

Митрополит Макарий
Период разделения Русской
Церкви на две митрополии
Серия «История Русской Церкви», книга 5

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171944

*История Русской Церкви. Т.5 Период разделения Русской Церкви на две митрополии.
История Западнорусской, или Литовской, митрополии (1458–1596): Издательство Спасо-
Преображенского Валаамского монастыря;
ISBN 5-7302-0793-X*

Аннотация

В пятую книгу многотомного «История Русской Церкви» высокопреосвященного Макария, митрополита Московского и Коломенского, вошел том его «Истории Русской Церкви», посвященный истории Западнорусской митрополии.

Содержание

Общий взгляд на историю Западнорусской Церкви в настоящий период	4
Глава I. Борьба православия с латинством и неудачные попытки к унии (1458–1503)	9
I. Митрополит Григорий Болгарин: первая попытка к унии	9
II. Митрополит Мисаил: вторая попытка к унии	17
III. Четыре следующие митрополита	25
IV. Митрополит Иосиф Болгаринovich: третья попытка к унии	34
V. Общий взгляд на состояние православной Церкви	48
Глава II. Спокойное состояние православия, лишь изредка нарушавшееся борьбой с латинством, без попыток к унии (1503–1555)	55
I. Митрополит Иона II	55
II. Митрополит Иосиф II Солтан	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Макарий, Митрополит Московский и Коломенский История Русской Церкви Т.5 Период разделения Русской Церкви на две митрополии. История Западнорусской, или Литовской, митрополии (1458–1596)

Общий взгляд на историю Западнорусской Церкви в настоящий период

В Московском государстве православная вера была господствующею; все прочие веры были лишь терпимы под тем неперменным условием, чтобы они не касались прав господствующей Церкви и не совращали ее чад. Сам государь всегда считался сыном православной Церкви и ее естественным покровителем и защитником. Если иногда она и вызывалась на борьбу, то с одними лишь внутренними своими врагами – ересями и расколами, которые и одолевала, пользуясь содействием гражданской власти. Если и государи Восточной Руси позволяли себе иногда действовать, по-видимому, во вред своей Церкви, то эти действия направлялись только против отдельных иерархов, или монастырей, или и всего духовенства, но никогда не направлялись против самой православной веры и Церкви.

Совсем не таково было положение православной веры в Литовском государстве. Здесь она постоянно находилась лицом к лицу со своим давним и непримиримым врагом – латинством и могла называться лишь терпимою, а не господствующею. Государи Литвы всегда исповедовали римскую веру. И православие здесь суждено было выдерживать непрерывную борьбу с католицизмом.

Правда, перевес силы в этой борьбе, казалось, был на стороне православия. Литовское великое княжество состояло не из одной Литвы, занимавшей немного более двух нынешних губерний, Виленской и Ковенской, а преимущественно из русских областей, обнимавших пространство девяти других, западных и южных, нынешних наших губерний: Смоленской, Витебской, Минской, Гродненской, Могилевской, Черниговской, Киевской, Волынской и Подольской. К этим областям надобно причислить и ту часть Галиции, которая хотя в гражданском отношении находилась под властью Польши, но в церковном принадлежала к Литовской митрополии. Во всех этих древних русских областях существовала вера православная, и существовала уже целые века, следовательно, успела укорениться глубоко и прочно; ее исповедовали как простой народ, так и все дворянство и князья – потомки удельных русских князей, здесь некогда княживших, – Острожские, Друцкие, Соколинские, Горские, Четвертинские, Любецкие, Подбереские и другие. Кроме того, и в коренной Литве православная Церковь имела немало последователей не только в низших слоях общества, но и между знатными княжескими родами, происходившими от детей великих князей литовских Гедимина и Ольгерда, каковы были князья Заславские, Стародубские, Сангушки, Слуцкие, Бельские, Сапеги, Мстиславские, Збаражские, Пинские, Корецкие, Полубенские и многие другие. В самой Вильне, столице Литвы, еще к концу XV в. целая половина жителей были

православные, хотя, быть может, преимущественно из русских поселенцев. И Литовская православная митрополия заключала в себе при начале периода девять епархий, и епархий древних. Что же представляла собою тогда в Литовском великом княжестве Церковь латинская? Это была еще Церковь очень и очень немногочисленная. Если не считать князя Миндовга, который принял было в 1251 г. латинство, а потом снова обратился к язычеству, и неудачных попыток ливонских рыцарей покорить литовцев папе силою своего оружия, римская вера начала проникать в Литву только во дни Гедимина и Ольгерда (1320–1377), когда ее старались распространять здесь, хотя и малоуспешно, доминикане и францискане. Утвердилась же она здесь только к концу XIV и в начале XV в., при Ягелле и Витовте, из которых первый, принимая корону Польши, дал клятвенное обещание крестить в латинство всех литовцев и действительно крестил их (1387) до тридцати тысяч, а последний четыре раза водил войска свои в Жмудь (1413–1420), чтобы принудить жителей к принятию римской веры, хотя имел мало успеха, так как и впоследствии они продолжали по местам держаться своего язычества еще около двух столетий. Очень вероятно, что кроме язычников-литовцев принимали тогда латинство и некоторые из православных, и литовцев и русских, уступая тем насильственным мерам, какие против них употреблялись, и, без всякого сомнения, в состав новой латинской паствы немедленно входили все немцы, которые переселялись тогда в Вильну и другие литовские и галицкие города, и поляки, имевшие в Галиции свои владения и в них жившие. Вместе с тем учреждались одна за другою и латинские епархии: в Киеве (около 1350), Галиче или Львове (1361–1375), Вильне (1388), Перемышле (1390), на Жмуди (1417), в Луцке (1428), но учреждались более с целью пропаганды, чем по многочисленности паствы. Киевская, например, епархия считала у себя даже в половине XV в. только семь костелов, а Жмудская и в половине XVI в. только 34 костела. Во всем же великом княжестве Литовском около половины XVI в., по свидетельству самих латинских писателей, было до 700 парохий, или приходских костелов, тогда как православных церквей в одном лишь Новогрудском воеводстве было более 650 и во владениях одного князя Константина (Василия) Константиновича Острожского более 600, по свидетельству латинских же писателей. А пред введением унии в Литве, по свидетельству тогдашних членов львовского братства, во всей Литовской православной митрополии числилось восемь епархиальных архиереев и «попов русских одиннадцать тысяч», следовательно, немногим менее и церквей.

Но не своею древностию, не числом своих чад, не количеством костелов и епископских кафедр сильна была в Литве Церковь латинская – во всем этом она уступала Церкви православной, – а была сильна и несравненно сильнее православной по другим условиям. Во главе православной Церкви в Литве стоял Цареградский патриарх, вся деятельность которого по отношению к ней почти до конца периода ограничивалась лишь тем, что он поставлял Литовско-русского митрополита или, вернее, присылал свое благословение на его постановление; во главе латинской Церкви в Литве стоял папа, имевший могущественное влияние не только на местную иерархию и народ, но и на самое правительство. Православные епископы и митрополит пользовались в Литве только церковною властью и значением, но вовсе не допускались к участию в гражданских делах и государственных; латинские иерархи, напротив, особенно Виленский, были ближайшими советниками великого князя и короля, заседали в сенате и оказывали сильнейшее давление на решение вопросов правительственных. Как ни многочисленно было сравнительно православное монашество в Литве, оно не подготовляло и не выделяло из среды своей лиц, которые бы посвящали себя исключительно делу проповеди на защиту православия, на борьбу за него; напротив, латинское монашество в Литве состояло преимущественно из орденов, имевших целью поддержание и распространение католицизма, – довольно поименовать здесь одних иезуитов. Но самая главная сила католиков в Литве, дававшая им решительный перевес над православными, заключалась в государе.

Литовские государи по отношению к православной Церкви действовали двулично. С одной стороны, они ясно видели, что их великое княжество есть не столько литовское, сколько русское. Русские, православные, составляли в нем большинство населения; русская народность и язык имели преобладающее значение. На русском языке говорили сами литовцы в своих сношениях с русскими. На нем преимущественно совершались акты и договоры, общественные и государственные, писались просьбы гражданами, давались грамоты и привилегии королями, обнародовались законы. На русском языке были составлены и изданы даже литовские Статуты, и только на нем одном происходило судопроизводство во всех владениях Литвы. В среде русского и литовского православного населения находились многие знатные фамилии из племени прежних князей, господствовавших в крае, некоторые из них состояли в довольно близком родстве с самими великими князьями Литвы, другие владели огромными имениями, целыми почти уделами, и содержали собственные дружины; из этой среды не раз являлись именитые государственные сановники и славные воины, оказывавшие великие заслуги всему отечеству. К тому же православные русские Литовского государства имели за собою еще русских Московского государства и в случаях нужды могли находить для себя не только нравственную, но и физическую опору в православном московском государе. Очень понятно, что литовско-польские короли не могли относиться к своим подданным православной веры, по крайней мере наружно, без должного внимания и справедливости. И вот мы видим, что все эти государи при самом вступлении своем на престол изрекали клятвенное обещание сохранять права и привилегии всех своих подданных не только римской веры, но и русской, как уже тогда называли в Литве православную веру в отличие от латинской; все подтверждали и ограждали и церковные и имущественные права Русских митрополита, епископов и прочего духовенства; давали жалованные грамоты русским церквам и монастырям на построение или восстановление и обновление их, на их земли и вотчины, прежние и новые, на охранение их от обид и притеснений, так что при рассматривании одних этих грамот можно подумать, будто православная Церковь в Литовском государстве пользовалась совершенным покровительством правительства. Но с другой стороны, литовские государи позволяли себе по отношению к ней и совсем другого рода действия. Сами они были католики, потому не могли сочувствовать ей и неизбежно подлежали более или менее влиянию своего латинского духовенства и папы, всегда враждовавших против православия. Да и как государи они не могли благоприятствовать православной вере в среде своих русских подданных, потому что она постоянно влекла их к Москве, тогда как литовским государям, напротив, желательно было всячески отклонить их от Москвы и сблизить с прочими своими подданными. С этою-то преимущественно целию еще Ольгерд и Витовт в Литве, а Казимир в Галиции пытались дать своим русским подданным особого первосвященника и совершенно отделить их от Московской митрополии. Особенно же должна была усилиться нерасположенность литовско-польских королей к православию со времени последнего соединения (в 1569 г.) Литвы с Польшею, когда заветною мечтою этих королей сделалось слить оба государства в одно, обширное, могущественное, и когда они ясно сознали, что главным препятствием к тому может служить разноверие русских с поляками и что для полного политического соединения, или унии, тех и других необходимо соединение их по вере – уния церковная. Нечего потому удивляться, если литовские государи, дававшие столько льготных грамот православным своим подданным и православному духовенству, издавали также и враждебные им постановления и по временам то лишали православных права занимать высшие должности в государстве, ссылаясь обыкновенно на Городельское постановление 1413 г., то запрещали им строить и даже возобновлять свои церкви, то отнимали у них церкви и отдавали латинянам, то стесняли православных в торжественном отправлении их праздников и священнослужений, то уничтожали самую веру православную, называя ее даже в офи-

циальных бумагах схизмою, а православные храмы синагогами, то допускали и открытое насилие православных для привлечения их к покорности папе.

Ничем, однако ж, столько короли эти не наносили вреда православию в своем государстве, как злоупотреблением усвоенного ими себе права «патронатства» по отношению к православной Церкви, и в частности права «подавания» архиерейских в ней кафедр, монастырей и церквей. В литовских епархиях, еще до отделения их от Московской митрополии, избрание епископов совершалось уже не так, как в Москве, не Собором иерархов, по изволению великого князя, а самим королем при участии князей, бояр, священников и всего людства той епархии, для которой избирался архипастырь. Мало-помалу участие местного духовенства и мирян в избрании епархиальных архиереев почти прекратилось и назначение последних перешло в исключительную власть литовско-польских королей, которые допускали при этом ходатайства только своих сенаторов и других знатных лиц и вообще дворянства. Пользуясь таким важным правом, короли-иноверцы раздавали архиерейские кафедры большею частью не духовным лицам, способным к святительскому служению, а светским, искавшим только захватить в свои руки архиерейские имения, и раздавали иногда в виде награды за какие-либо заслуги, военные или гражданские, иногда по ходатайству сильных особ, нередко прямо за деньги. Случалось, что еще при жизни престарелого епископа король предоставлял его епархию какому-либо шляхтичу, который по смерти епископа тотчас и вступал в управление ею и управлял несколько лет, вовсе не принимая на себя священного сана и только называясь нареченным епископом. Случалось, что король давал право на какую-либо архиерейскую кафедру разом двум светским лицам, которые потом и вели из-за нее открытую борьбу между собою. Случалось и то, что шляхтичи, получившие от короля жалованную грамоту на какую-либо епископию, передавали свое право за деньги другим лицам, а епископы, занимавшие уже известные кафедры, выпрашивали себе у короля право на другие, более богатые кафедры, как только последние сделаются вакантными. Точно так же поступали литовские государи с православными монастырями и церквями, находившимися под их непосредственным патронатством. Большею частью они предоставляли настоятельство в этих монастырях не монахам, но мирянам, которые иногда обязывались вступить в монашество, иногда и не обязывались и, продолжая жить в миру, правили монастырями через своих как бы наместников-иноков, сами же властно распоряжались монастырскими вотчинами. А очень нередко короли отдавали как свои монастыри, так и церкви со всеми их имениями прямо в арендное содержание на несколько лет или и в пожизненное владение то духовным, то мирским людям, даже латинского исповедания. Примеру короля следовали князья, бояре и вообще паны, имевшие под своим патронатством православные монастыри и церкви. Некоторые из этих патронов – между ними были и иноверцы – вместо того чтобы заботиться о своих монастырях и церквях, об их устройстве и благосостоянии и пособлять им, сами только пользовались их имениями или отдавали эти имения в аренду другим и доводили до совершенного разорения, предоставляя себе в то же время право по своему произволу распоряжаться в самих церквях и монастырях, принимать и удалять приходских священников и монашествующих, к крайнему стеснению епархиальной власти. Такой порядок, вернее, беспорядок в раздаче архиерейских кафедр и в управлении монастырями и церквями продолжался в Литовской православной митрополии в течение всего периода и имел самые губительные для нее последствия. Это была страшная внутренняя язва, которая незаметно подтачивала самые главные силы Церкви и неизбежно вела ее к расслаблению и изнеможению. У Церкви отнята была даже возможность иметь достойных архипастырей и духовных вождей и борцов, которые бы ревностно и мужественно отстаивали ее православие и права; ей давали таких святителей, которые преследовали преимущественно собственные интересы и из-за личных выгод способны были пожертвовать всем. И этим-то злоупотреблением своей власти назначать православных архиереев и распоряжаться православными монасты-

рями и церквами, этим-то постепенным ослаблением и обессилением православной Церкви литовские государи несравненно более, нежели всеми другими мерами, подготовили в своем государстве для латинян ту победу, какую одержали они наконец над православными.

Около половины XVI в. явилось в Литве протестантство, по-видимому, в качестве союзника православной Церкви, потому что немедленно устремилось всеми своими силами против ее врага – латинства и произвело в рядах его страшные опустошения. Но скоро увидели в самое короткое время успело увлечь столько православных в Литве, особенно из высшего круга, сколько латинская Церковь не могла увлечь их в продолжение целого предшествовавшего столетия. Еще более вреда причинило протестантство православию тем, что своими громкими победами как бы разбудило дремавшие силы католицизма и вызвало в Литву иезуитов – таких борцов за латинскую Церковь, каких прежде она не имела и которые не замедлили доставить ей здесь торжество и над протестантскими сектами, и над православием. Протестантство, можно сказать, только помогло иезуитам и облегчило им труд одолеть православных, обессиливши последних теми поражениями, какие нанесло им прежде. Появление в Литве протестантства не только не прекратило борьбы, которую дотоле вело здесь латинство против православия, но еще возбудило ее и ускорило ее печальный исход.

Главная цель, к которой постоянно стремилась Римская Церковь в своей борьбе с православием в Литве и Польше, была церковная уния. Но самая эта борьба велась не с одинаковым постоянством и напряжением и еще более не с одинаковым успехом. В продолжение первого почти полу столетия (1458–1503) борьба была довольно сильная: римское духовенство и литовско-польские государи употребляли разные средства, церковные и гражданские, для привлечения православных к Флорентийской унии, были даже попытки к унии со стороны самих православных, хотя окончившиеся неудачно. В следующее полу столетие (1503–1555) борьба настолько ослабела, что сделалась почти незаметною: православные, по делам своей веры, наслаждались относительным спокойствием, и если принимались еще против них меры стеснения, то лишь изредка и не повсеместно, а прямых попыток к унии ни со стороны православных, ни со стороны самих латинян вовсе не было. С половины XVI в. в течение с лишком тридцати лет (1555–1589) борьба быстро усилилась и достигла высшей степени напряжения: на православных напали сперва протестанты, потом иезуиты, и последние с небывалою прежде со стороны латинян настойчивостию возобновили попытки к унии. Наконец, в последнее семилетие (1589–1596) борьба постепенно приближалась к своему исходу: в среде самого православного духовенства нашлись немногие изменники, которые, действуя вместе с латинянами, несмотря на противодействие всех православных, успели принять и водворить в Литве церковную унию. Таким образом, в истории Западно-русской, или Литовской, митрополии в продолжение настоящего ее периода представляются один за другим следующие четыре отдела (главы):

1) Борьба православия с латинством и неудачные попытки к унии (1458–1503).

II) Спокойное состояние православия, лишь изредка нарушавшееся борьбою с латинством, без попыток к унии (1503–1555).

III) Борьба православия с протестантством и иезуитами и новые, усиленные попытки к унии (1555–1589). IV) Уния (1589–1596).

Глава I. Борьба православия с латинством и неудачные попытки к унии (1458–1503)

I. Митрополит Григорий Болгарин: первая попытка к унии

Ряд первосвятителей Западнорусской Церкви начал собою Григорий. Мы уже знаем, кто был он, как поставлен в митрополита и как совершилось при нем окончательное отделение Литовской митрополии от Московской. Григорий происходил из Болгарии и считался учеником митрополита Исидора. С ним прибыл к нам из Греции, с ним же и бежал из России. С ним путешествовал (1452) из Рима в Константинополь и оттуда снова возвратился в Рим. В России Григорий назывался только чернецом и протодиаконом при Исидоре; в Константинополе сделался аббатом, или игуменом, монастыря святого Димитрия, того самого монастыря, в котором некогда игуменствовал и Исидор. Когда в Риме ясно увидели, что ни в Москве, ни в Константинополе не могла утвердиться Флорентийская уния, несмотря на все попытки и усилия ревнителей ее; когда Исидор потерял всякую надежду возвратиться на свою кафедру в Россию, где все еще продолжал княжить прогнавший его великий князь Василий Васильевич и много лет уже святительствовал православный митрополит Иона, тогда с общего согласия папы, Исидора и других кардиналов положено было отделить от Русской Церкви по крайней мере те епархии, которые находились во владениях литовско-польского короля, по вере латинянина, поставить над ними особого митрополита, приверженного к унии, и таким образом хотя здесь насадить и утвердить ее. Исидор указал на ученика своего Григория «яко достойна суца митрополии Русския и мудра велми в речех». Бывший Цареградский патриарх Григорий Мамма, принужденный, подобно Исидору, оставить свою кафедру за приверженность к унии и проживавший в Риме, рукоположил Григория в сан епископа-митрополита, а папа Пий II утвердил его своею грамотою от 11 сентября 1458 г. и отпустил в назначенную ему Литовскую митрополию. Мы знаем также, как отнеслись к этому назначению в Москве. При первой вести о нем великий князь Василий Васильевич писал к литовскому королю Казимиру, чтобы он не принимал Григория. Митрополит Иона послал в Литву настоятелей двух значительнейших монастырей, Троице-Сергиева и Кирилловского, и рассылал многочисленные грамоты к епископам, князьям, боярам и ко всем православным христианам литовским, убеждая всех стоять твердо в православии и не покоряться идущему из Рима ученику Исидорову, еретику, отлученному от святой соборной Церкви. Все русские епископы, собравшись в Москве у гроба святителя Петра, кроме того что дали обет оставаться верными митрополиту Ионе и не признавать Григория, написали (13 сентября 1459 г.) и к литовским епископам, своим духовным братьям, соборное послание, чтобы они помнили свое исповедание и обещание, данное Ионе, и не принимали митрополита от латинян, отступника от православной веры. Но все эти послания и убеждения не отвратили опасности. Таким образом Литовская митрополия разом отделена была и от Московской митрополии, и от Константинопольского патриархата или, точнее, изъята была из-под власти православных Константинопольских патриархов и подчинена Константинопольским патриархам униатским, которые, начиная с Григория Маммы, следовали один за другим в непрерывном порядке, назначались самим папою и имели пребывание не в Константинополе, а в Риме.

Папа рассчитывал собственно на литовско-польского короля Казимира, своего «наимилейшего о Христе сына». Каков же был этот король, по крайней мере до настоящего вре-

мени? Литовским великим князем он сделался еще в 1440 г., будучи только четырнадцати лет, и скоро приобрел любовь своих подданных. Он дал им присягу, что сохранит в целости их государство, несмотря на все притязания поляков, и не уступит последним ни Волыни, ни Подолии, ни Луцкой земли, которые литовцы считали своею неотъемлемою собственностью, а поляки усиливались присвоить своей короне. Сделавшись потом, очень неохотно и почти против воли, и королем Польши (в 1447 г.), он долго не соглашался подтвердить присягою права Польской Короны, которые распространяли поляки и на три названные литовские области, и продолжал поддерживать сторону литовцев в их непрекращавшихся спорах с поляками из-за земельных владений. В самой Литве Казимир одинаково смотрел на всех своих подданных, какой бы веры они ни были. Еще в 1440 г. он дал некоторые торговые привилегии жителям своего столичного города Вильны как римской, так и русской веры, а в следующем году подтвердил равно тем и другим магдебургское право, дарованное им еще королем Сигизмундом (1432). Будучи уже и королем Польши, пожаловал (1456) подтвердительную грамоту галицко-русскому духовенству, дворянству и прочим жителям на все прежние их права и вольности, а за год до назначения в Литву митрополита Григория пожаловал такую же грамоту литовскому, русскому и жмудскому духовенству, равно князьям, боярам, шляхтичам и прочим жителям, без всякого различия по вере, и уравнивал их по правам с духовенством, князьями, боярами, шляхтичами и вообще жителями Короны Польской, несмотря на Городельское постановление. С таким же расположением Казимир относился и к церковному единению своих православных подданных с Москвою. Он изъявил (1448) свое согласие на поставление Ионы в митрополита над всею, тогда еще неразделенною, Русскою Церковию и в своем договоре с великим князем московским Василием Васильевичем (1449) условился признавать вообще митрополитом того, кто будет люб им обоим; присылал Ионе «жалованье и поминки», а в начале 1451 г. дал ему и грамоту на управление литовскими епархиями, призывая в ней и епископов с прочим духовенством, и князей, и бояр, и весь народ христианства русского чтить Иону как отца-митрополита и слушаться его в делах духовных. На этого-то короля не усомнился рассчитывать папа, посылая к нему новопоставленного митрополита Григория, и, к изумлению, не обманулся в своих надеждах: так еще могущественно было тогда папское слово! В своей грамоте к Казимиру Пий II, называя его своим «наимилейшим о Христе сыном» и преподавая ему благословение, прежде всего извещал его, что находящиеся в его владениях епархии греческого закона отнимаются у отщепенца и противника злочестивого чернеца Ионы и для них поставлен в Риме особый митрополит Григорий; потом просил короля, чтобы он принял Григория на кафедру Киевскую, а не допускал до нее отщепенца Ионы и никого другого, кто вздумал бы домогаться ее при помощи духовенства и народа; если же Иона или кто другой явится с этою целию в Литву, то приказал бы схватить их и в оковах заключить в темницу; наконец, поручал королю подчинить и привести в послушание Григорию всех епископов означенных епархий, и духовенство, и народ и оказывать новому митрополиту всякое покровительство и содействие к расширению его прав, а всех противящихся тому подвергать тяжким мукам. Казимир не осмелился сам воспротивиться папе и несмотря на то, что сам же прежде изъявил согласие на избрание Ионы в митрополита и дал ему грамоту на управление Литовскими епархиями, несмотря на договор с великим князем московским и убеждения его, принял Григория и отдал ему все девять епархий Западнорусского края. Семь из этих епархий находились в пределах Литовского королевства: Черниговская, Полоцкая, Смоленская, Туровская, Луцкая, Владимирская на Волыни и Холмская; они-то, за исключением, впрочем, последней, и подчинены были прежде Ионе грамотою Казимира. Остальные две епархии числились во владениях Польши – Галицкая и

Перемышльская – и, вероятно, вместе с Холмскою считались еще за особую митрополию Галицкую, непостоянно, впрочем, имевшую своего митрополита. Эту митрополию

Казимир также обещал было подчинить Ионе, но не видно, чтобы исполнил свое обещание, несмотря на просьбы Ионы, и она только теперь воссоединилась с Киевскою митрополиею под властью Григория, так что отселе Киевские митрополиты имели уже право называться *Киевскими и Галицкими*, хотя, сколько известно, сам Григорий назывался только *Киевским и всея России*. «Слышание таково полное, – писал Московский митрополит Феодосий Новгородскому владыке спустя два года после прибытия Григория в Литву, – что король его принял, и столец ему Киевский дал, и во всей своей державе св. Божия церкви и вся церковная оправдания ведати». И мало того что сам принял Григория и дал ему кафедру Киевскую со всеми церквами в своей державе, но еще посылал к великому князю Василию Васильевичу, чтобы Григория приняли и на Москву, а после несколько раз посылал с просьбою о том и к Ивану Васильевичу, хотя получал всегда решительный отказ.

Как же поступили литовские епископы? Сначала они хотели показать свою приверженность к митрополиту Ионе, сами известили его о прибытии к ним Григория, прислали в Москву даже грамоты, которые последний принес с собою в Литву от папы, лжепатриарха Григория Маммы и Исидора; иные извещали и о своей ревности по православию. И Иона хвалил их ревность и убеждал их быть твердыми и впредь, не покоряться Григорию и охранять от него свои духовные паствы. Но вскоре имел скорбь услышать, что некоторые из этих епископов уже вошли в общение с Григорием и служат с ним, поминая в церквах ненавистное имя папы. И снова писал к ним архипастырские послания и объяснял, что Григорий Мамма, и Исидор, и ученик его Григорий – отступники от православной веры и развратители ее и что тех, которые вступят в общение с ним, «православная Церковь не имеет за христиан, но за отступники своя веры и пособники их ересей»; снова убеждал и слезно умолял епископов позаботиться о своих бессмертных душах, не сообщаться с Григорием, не внимать его учению, не бояться его запрещений, оберегать от него православных христиан. «А если кому из вас, сыны мои, – прибавлял первосвятитель, – будет от кого-либо истома за то и нужда, тот по своему к нам исповеданию и обещанию, не принимая пришедшего от Римской Церкви и не приобщаясь к нему, ехал бы ко мне. А который не поедет, забыв к нам свое исповедание пред Богом и обещание в свое ставленье, и пожелает вступить в общение с отступником Григорием, тот сам на себя положит великую и неизмолимую пред Богом тяжесть церковную». Много ли подействовали такие убеждения? На приглашение Ионы из всех литовских епископов отозвался только один. Он писал, вероятно, уже не к самому Ионе, а к преемнику его Феодосию, что Григорий, когда прибыл в Литовскую землю, «воздвиг бурю и развращение на Церковь Божию и что великая от него налога православному христианству», а затем, сказав о самом себе, как «стоял за св. Божии церкви и за православную св. Христову веру», просил у Московского первосвятителя ходатайства пред великим князем, чтобы тот пожаловал своего богомольца и успокоил его в своей державе «от такового злаго гонения». Митрополит в своем ответном послании благодарил епископа за его твердость и ревность по вере и извещал, что великий князь готов пожаловать его и успокоить в своей державе и «издоволить всем» и чтобы он поспешал в дом Пречистой Богородицы и великого чудотворца святого Петра митрополита. Епископ этот был Евфимий Брянский или Черниговский, который к концу 1464 г. действительно «прибеже на Москву, покиня свою епископию» и получил здесь в управление епархию Суздальскую. Что ж прочие епископы, литовские и галицкие? Некоторые из них, как мы уже упоминали, вступили в общение с Григорием почти тотчас, едва он прибыл в Литву, а другие сначала, быть может, и пытались не признавать его и не повиноваться ему, но, когда началось «злое гонение», конечно, не без воли короля, которого сам папа уполномочил в своей грамоте подвергать тяжким мукам тех, кто станет противиться Григорию, тогда смирились и мало-помалу уступили и покорились ему и его власти. Скажем ли, что эта покорность была неискренняя, недобровольная, не по совести, а только наружная, притворная, вынужденная обстоятельствами, но все же

она была, и одна из наших летописей не без основания выразилась так решительно: «Прииде из Риму Григорий митрополит и седе на Киеве, и прият его король и с ним 8 епископов литовских» (8.149).

Как отозвались на призыв Григория низшее духовенство и миряне православные? Не станем отвергать, что и среди духовенства, и среди мирян православных могли найтись лица, последовавшие примеру своих архипастырей, особенно из тех, которые были близки к этим архипастырям и к королю и желали быть им угодными или устрашились «бури», воздвигнутой Григорием на Церковь Божию. Но массы православного народонаселения в Западно-русской Церкви, несомненно, оставались непоколебимыми в вере отцов, несмотря на все усилия и короля и Григория привлечь их к унии. Это засвидетельствовал сам король Казимир, когда спустя уже десять лет после прибытия Григория писал к папе Павлу II, что в Литве и соединенных с нею русских областях обитает «великое множество еретиков и схизматиков», т. е. православных, и что «число их со дня на день возрастает», и, как бы признавая недостаточность одних внешних мер против них, просил у папы дозволения основать как в Литве, так и в русских областях по два монастыря ордена бернардинов (*fratres ordinis minorum observantiae*), чтобы они своею проповедью и жизнью могли приводить тамошних еретиков и схизматиков к единству Церкви, а в 1469 г. действительно основал такой монастырь в Вильне, на левом берегу Вилейки, вблизи русской половины города. В частности, относительно Киева известен следующий случай. В 1471 г., когда скончался последний князь киевский, правнук Ольгердов Симеон Олелькович, бывший наместником короля Казимира, Казимир воспользовался этим, чтобы обратить княжество Киевское в воеводство, и первым воеводою в Киев назначил литовца Мартина Гаштольда, державшегося римской веры. Киевляне крайне огорчились таким назначением и два раза не принимали Гаштольда, к ним приезжавшего. Они помнили, что со времен Гедимина в течение 150 лет ими постоянно управляли в качестве наместников литовского государя лишь князья православные, и просили Казимира, чтобы он дал им или князя Михаила, брата умершего Симеона Олельковича, или хоть какого-либо другого начальника, только греческой веры, а не латинской, хотя и не имели успеха. Не очевидное ли это доказательство, что жители древней русской столицы были тогда чисто православными, а не униатами, покорными Римскому первосвященнику? Да не в Киеве только, но даже в Вильне, столице княжества Литовского, где часто имел пребывание сам король Казимир, а иногда и митрополит Григорий при своем кафедральном Пречистенском соборе, все жители русской веры оставались тогда верными православию. В 1471 г. приходили в Вильну к королю послы из Пскова, и при них, 31 марта, как повествует псковский летописец, «загоресе в полночь посад в Вильне, Лядский конец, и горе до света, и сгоре с 400 дворов и божницы лядския... а Руского конца и святых Божиих церквей Бог ублюде, христианских дворов и своих храмов, а иноверныя на веру приводя, а христиан на покаяние». На языке этого летописца *лядские божницы* означали латинские костелы, *святые Божии церкви* – православные храмы, *иноверные* – латиняне, *христиане* – русские, православные.

Оставаясь твердыми в вере отцов, православные великого княжества Литовского выражали, как и прежде, свое усердие к ней пожертвованиями на святые храмы и обители и на содержание своего духовенства. Пример в этом подавали православные князья – потомки великих князей Гедимина и Ольгерда, имевшие в своем владении или управлении разные города и области Литовского государства. Один из правнуков Ольгерда, князь Иван Юрьевич Мстиславский, пожертвовал Полоцкому епископу Каллисту и его кафедральному Софийскому собору сельцо на реке Марынце с угодьями (1458–1459) и мстиславскому Онуфриевскому монастырю – озеро Гостин (1468). Супруга этого князя Юлиания пожаловала Николаевской церкви в погосте Даниловском сельцо Гридково с угодьями и доходами (1461). А оба они вместе, князь и княгиня, соорудили на своем дворе в Мстиславле большой собор во

имя Пресвятой Троицы с шестью приделами и для причта его определили хлебные, медовые и денежные дани (1463). Другой правнук Ольгердов, князь Михаил Александрович слущкий, дозволил боярину своему Василию Царю купить «дворец» для придачи слущкому Троицкому монастырю (1455 или позже). Родной брат этого князя, третий правнук Ольгердов, Симеон Александрович (Олелькович), бывший наместником литовского государя в Киеве, сделал весьма много для Киево-Печерской лавры. Пред началом настоящего периода мы видим эту знаменитую обитель уже довольно благоустроенною: в ней были настоятель – архимандрит Николай и другие монастырские чины – келарь, уставщик, ключник и «много старцев». Но Великая церковь печерская, разрушенная еще при Батые (1240), оставалась в развалинах. Князь Симеон на собственные средства воздвиг ее вновь, украсил иконным писанием, обогатил золотом, серебром и драгоценными сосудами (1470). В следующем году он и погребен здесь, как прежде погребены были его дед, бывший наместником в Киеве, Владимир Ольгердович (†1394) и некоторые другие дети Ольгердовы. Один из потомков князя Любарта, сына Гедиминова, кобринский князь Иван Семенович, вместе с матерью своею Иулианиею пожаловал в 1465 г. кобринскому монастырю Святого Спаса мельницу на реке Шевни со ставом и с сеножатями, а также земли со всеми доходами с них и назначил ежегодные медовые дани и в том же году пожаловал кобринской Петропавловской церкви людей в Кобрине и земли со всеми их доходами, пашнями и десятинами. Около того же времени еще один из потомков Гедиминовых, князь Юрий Семенович Гольшанский, дал Киевской лавре подтвердительную грамоту на владение землями и людьми, пожалованными ей дедом его, князем Иваном Ольгимонтовичем. Вообще, если православные в Литовском княжестве терпели что-либо за веру от митрополита Григория и своего великого князя Казимира, то, с другой стороны, всегда могли находить для себя опору, ограждение и утешение в своих поместных православных князьях из того же великокняжеского, Гедиминова и Ольгердова, рода, а также в других православных князьях и вообще владельцах, под властью которых непосредственно находились.

Совсем другое было положение православных в Галиции и некоторой части Подолии под владычеством Польши. Не знаем, кто были в то время епископами в епархии Перемышльской и каких поставлял себе наместников в Галицкой епархии митрополит Григорий, но тамошним православным коренным жителям страны приходилось выносить много зла от других причин. Первое зло состояло в том, что польские короли, особенно Владислав (1440–1444), пораздали на Руси, как называли тогда Галицию, многие земли, села и города польским панам-католикам, которые, приходя сюда нередко с вооруженною силою и помогая друг другу, нападали еще на соседние имения русских владельцев, отнимали у них эти имения или грабили и разоряли, жителей же подчиняли себе, а других разгоняли ни с чем, равно как и самих владельцев. Таким образом, число русского дворянства, русского владельческого класса быстро уменьшалось в Галиции, а число польских панов и шляхты более и более возрастало, и господствующим, преобладающим сословием в стране становились латиняне. Одному сильному и богатому польскому дому Одровонжей Владислав отдал в залог, за значительную сумму, даже целые области – Львовскую, Белзскую, Жидачевскую и вообще всю землю Галицкую в полное владение. От этих владельцев, из которых в одно и то же время (пред 1450 г.) один, Петр Одровонж, был львовским воеводою и старостою, а другой брат – Иван – Львовским латинским архиепископом, православные жители страны терпели жестокие притеснения, многие злодеяния и разбои и напрасно жаловались королю. Так продолжалось до 1465 г., когда по предложению короля Казимира несчастные жители согласились собрать и внести ему особую дань, чтобы только он выкупил их из-под ига Одровонжей. Одно зло порождало другое. Многие жители Галиции и землевладельцы, прогнанные из своих жилищ и владении польскими панами и лишенные всего, убежали в Крым к татарам и, томимые жаждою мщения, возбуждали их производить набеги на свою родную землю,

желая лучше видеть ее опустошенную, нежели в руках ненавистных поляков. Так, по наущению этих беглецов и скитальцев в 1469 г. татарские орды разорили целые уезды Подолии и Галиции и увели с собою в плен до 10 тысяч, а через четыре года опустошили всю Галицию и увлекли до 100 тысяч пленных. Не говорим о других набегах татарских на Подолию и Галицию, которые вообще были тогда очень часты. От всех этих набегов страдали как все жители страны, их дома и имущества, так, в частности, и православное духовенство, православные храмы и обители. Много, наконец, приходилось выносить русскому духовенству в Галиции и от посягательства панов и вообще светских людей на его права. Злоупотребления такого рода, например, в Перемышльской епархии доходили до того, что сам король Казимир счел нужным (1469) подтвердить тамошнему православному духовенству привилегию, данную ему еще Витовтом, чтобы «оно не было притесняемо, чтобы дворяне не судили духовных лиц, брачных дел себе не отнимали и не изгоняли приходских священников».

Тяжкие обстоятельства Западнорусской Церкви, особенно в Галиции, и притеснения от латинян вызвали православных теснее соединяться между собою во имя веры, и вот с самого начала настоящего периода мы видим в Литовской митрополии первые по времени православные *братства*: одно в Галиции, в главном городе ее Львове, другое в столице Литовского государства – Вильне. Сохранилось сведение, что в 1453 г. было во Львове восемь русских церквей и между ними городская Успенская, при которой и существовало православное братство города. Когда возникло оно и в чем состояли его устройство и деятельность, неизвестно. Чрез десять лет львовский гражданин Стефан Дропан, восстановив древний Онуфриевский монастырь и наделив его имениями, которые тогда же утверждены были за ним львовским старостою, а в 1469 г. и грамотою самого короля Казимира, отдал этот монастырь под покровительство львовского городского братства. Братство поручило управление Онуфриевским монастырем игумену Униевского монастыря, подлежавшего непосредственно власти Киевского митрополита. Из этих немногих сведений можно заключать, что львовское братство было собственно религиозное, или церковное, и имело одну цель – заботиться о нуждах местной православной Церкви. По-видимому, иного рода образовалось тогда братство в Вильне. Около 1458 г. виленские кушнеры (меховщики, скорняки) Клим, Якуб и некоторые другие установили между собою братство под именем кушнерского. Они делали складчину, покупали и сытили мед к трем в году праздникам: к Рождеству Христову, ко дню Сошествия Святого Духа и к празднику святителя Николая. Из оставшегося воска делали свечи и раздавали в эти праздники по церквам, а сыченый мед пили в эти же праздники братством, собираясь вместе для братской беседы. Когда число братьев умножилось, они выстроили для себя в Вильне особый братский дом и составили устав. По уставу, братья ежегодно выбирали себе старост и в помощь им ключников; старосты принимали в свое распоряжение братские деньги и все имущество и в конце года отдавали братству отчет. При братских собраниях и беседах в три названные праздника старосты должны были наблюдать, чтобы все, как братья, вписанные в братство, так и гости, приглашенные кем-либо из братьев ради чести, равно и лица, «вкупившиеся» только на тот день для участия в братской беседе и праздновании, вели себя чинно, не говорили ничего неприличного, не пили меда не в меру и не производили никаких беспорядков. Провинившимся старосты могли делать словесные замечания, но дальнейшие взыскания определялись братством. Братству принадлежало право суда и взыскания за все проступки, совершавшиеся в братском доме во время братских собраний и бесед над всеми членами братства, и гостями, и вкупавшимися в братство на день, равно как над самими старостами и ключниками. И никто не имел права обращаться в таком случае к судам сторонним, светским или духовным; даже люди духовные римской веры и греческой, как вписавшиеся в братство, так и приходившие в братский дом гостями или вкупавшиеся на день, судились в таких делах непременно самим братством, а отнюдь не бискупом латинским и не Русским митрополитом. Если шляхтич, или дворянин,

или иной человек, не вписанный в братство, приходил на братскую беседу гостем или вкупался временно, он не перебирал местами, а садился где приходилось и где указывали старосты. Когда умирал человек, вписанный в братство, тогда братья на погребение его давали нужный бархат и братские свечи и сами провожали его тело. Таким образом, виленское братство, хотя, судя по названию его, было братство промысловое, или цеховое, и походило на промысловые гильдии, существовавшие в Европе, но по своему уставу значительно от них отличалось и имело характер братства церковного, религиозного. Промысловые гильдии составлялись исключительно из членов своего ремесла, или цеха, а виленское братство, хотя называлось кушнерским, потому что основано было кушнерами и, может быть, из них наиболее состояло, допускало в свой состав и членов из других сословий, даже духовных людей греческой и римской веры. Промысловые гильдии имели целью содействие успехам своего ремесла, или цеха, а виленское братство предположило себе проводить три избранные им праздника особенно торжественным образом, раздавать в эти праздники свечи по церквям и собираться тогда всем братчикам вместе в братском доме для братских бесед, соединенных с приличным пиршеством, а в случае смерти кого-либо из братьев отдавать ему последний христианский долг и присутствовать при его погребении. К чести виленского братства надобно отнести то, что оно чуждо было духа нетерпимости по отношению к латинянам и допускало в число своих членов даже духовных особ Римской Церкви.

Назначение Григория в митрополита Западнорусских епархий было делом вопиющей несправедливости со стороны папы. Христиане этих епархий исповедовали православную веру, принадлежали к Русской Церкви и, после того как Исидор был отвергнут ею за измену православию, признали над собою вместе с нею нового православного первосвятителя Иону, которому и повиновались уже около десяти лет. И вдруг христиан этих даже не спросили, желают ли или не желают они оставаться в единении с Русскою Церковью, а вздумали насильно оторгнуть от нее; даже не спросили, признают ли они еще Исидора за своего архипастыря, принимают ли или желают ли принять Флорентийскую унию, а прямо прислали к ним как преемника Исидорова нового митрополита-униата, чтобы навязать им унию. И все потому только, что они находились под властью короля-католика, который мог действовать на них принудительными мерами и противящихся Григорию мог, по грамоте папской, подвергать тяжким мукам. Что же вышло? Массы православных в Литовской митрополии по-прежнему оставались православными и решительно чуждались унии. Епископы волею или неволею вступили в общение с Григорием, покорились ему, а вслед за ними покорились, вероятно, и некоторые из низшего духовенства и мирян, но как покорились? Григорий, сколько известно, был человек умный и просвещенный и мог правильно понимать, что вокруг него происходило. Десять лет уже протекло, как он вступил на кафедру Литовской митрополии; десять лет уже он употреблял все средства, чтобы привлечь к себе свою духовную паству и утвердить над нею свою власть. А кончил тем, что в 1469 г. отправил своего посла Мануила в Константинополь с великими поминками, с множеством золота и портов и просил себе «благословения и подтверждения» от Цареградского патриарха, прося вместе, чтобы патриарх посодействовал ему утвердиться и на Москве. Зачем бы Григорию, и после стольких лет службы, искать еще в Царьграде благословения и подтверждения себе, если бы он успел насадить в своей митрополии унию, принесенную им из Рима, и если бы опытно не убедился, что православные его паствы упорно отверщаются от Рима и папы и признают над собою только одного верховного архипастыря – православного Цареградского патриарха? Патриарх Симеон Трапезунтский (1468–1469) к которому обратился Григорий, не принял присланных им даров и благословения ему не дал, может быть, потому, что в это время сам лишился своей кафедры и должен был удалиться в убогий монастырь. Но преемник Симеона Дионисий (1469–1476) не усомнился дать Григорию свое благословение и утверждение в митрополичьем сане и даже отправил своего посла не только ко всей Руси

Литовской, но и в Москву и в Новгород с своею грамотою, чтобы Григория признавали за истинного митрополита, а Ионы (умершего еще в 1461 г.) чуждались, так как Царьградская Церковь не признавала и не признает его за митрополита. Очень естественно, если в Царьграде хотя и дали прежде свое согласие, конечно, неохотно на поставление Московских митрополитов в самой Москве, но досадовали, зачем Московский митрополит не просит себе благословения у Царьградского патриарха, и теперь рассчитывали чрез митрополита Григория, испросившего такое благословение, возратить себе утраченную власть над Московскою митрополиею. Не менее естествен и поступок московского государя Ивана Васильевича III, который, как только получил известие об этом покушении патриарха, тотчас дал приказ не впускать в московские пределы ни патриаршего, ни Григориева послов и написал к Новгородскому владыке, чтобы и в Новгородской земле послов этих не принимали, грамоте их не верили и речей их не слушали. Но для нас в настоящем деле важны, собственно, два обстоятельства. Во-первых, то, что митрополит Григорий сам просил себе благословения и утверждения в сане от православного Царьградского патриарха и тем ясно выразил, что признает над собою власть этого патриарха и отрекается от унии и от подчинения униатскому Царьградскому патриарху, жившему в Риме: без такого признания и отречения просьба Григория не имела бы смысла. Во-вторых, то, что православный патриарх Дионисий действительно принял Григория под свою власть, благословил его и утвердил в сане митрополита, следовательно, поверил его отречению от унии и признал его присоединившимся к православной Церкви. А надобно заметить, что этот Дионисий был учеником Марка Ефесского и в качестве послушника жил при нем до самой его кончины, под его руководством изучал Священное Писание и творения отеческие и отличался строгим православием. Достоверность же факта, что Григорий посылал в Царьград просить себе благословения и утверждения и что патриарх дал Григорию свою благословенную грамоту, не может подлежать никакому сомнению: об этом тогда же написал из Царьграда митрополит Кесарии Филипповой Иосиф к московскому великому князю Ивану III, как видно из послания последнего в Новгород, а грамота Дионисия Григорию цела была еще в XVIII в., по свидетельству униатских писателей. Воссоединившись с православною Церковию (искренне или притворно, один Бог весть) и снова подчинивши Литовскую митрополию православному Царьградскому патриарху, Григорий управлял ею еще около четырех лет и уже не имел нужды употреблять против своих пасомых таких мер, какие употреблял прежде. Патриаршая грамота о нем совершенно успокоила православных в Литве: они, равно как и их епископы, видели теперь в Григории своего законного архипастыря и покорялись ему уже без всякого принуждения и стеснения своей совести. В начале 1473 г. Григорий скончался в Новогродке Литовском, и скончался в общении с православною Церковию, почему и поминаем был на западе России в церковных молитвах наравне с другими православными митрополитами.

Таким образом, первая попытка – попытка самого папы – ввести в Литве унию чрез митрополита Григория окончилась неудачно.

II. Митрополит Мисаил: вторая попытка к унии

При преемнике митрополита Григория сделана была вторая попытка ввести в Литве унию, и сделана со стороны самих русских.

Кафедру митрополии после Григория занял епископ Смоленский Мисаил. Он происходил из рода князей Пеструцких, или Пестручов, и, получив по разделе с братьями часть отцовского наследства, пожертвовал ее на церковь и монастырь общежительный во имя Святой Троицы, которые сам же и основал над озером Гомовлем в имении своем Черее (ныне местечко Сенновского уезда Могилевской губернии), будучи уже епископом Смоленским. Этот Черейский монастырь, на который сделали потом свои пожертвования то землями, то селами родной брат Мисаила Михаил и мать инокиня Агафия, а также князья Бабичи-Друцкие-Соколинские и Лукомские, Мисаил постоянно держал под собственным управлением и завещал по животе своем «в оборону и в поданье» своей родной племяннице княгине Марье и мужу ее пану Богдану Сапеге, королевскому писарю, с их потомками. На Смоленскую кафедру Мисаил вступил раньше 1454 г., потому что в этом году он уже называется владыкою Смоленским в дарственной грамоте брата его Черейскому монастырю, и в этом же году писал к Мисаилу как Смоленскому епископу грамоту свою Московский митрополит Иона. Спустя два года Мисаил сам со многими гражданами Смоленска приходил в Москву бить челом великому князю Василию Васильевичу, чтобы отпустил с ними чудотворную икону Божией Матери Смоленскую, которая была принесена в Москву еще в 1404 г. смоленским князем Юрием Святославичем, искавшим для себя здесь помощи против нападавшего на Смоленск литовского великого князя Витовта. Василий Васильевич, рассудив с митрополитом Ионою и прочими святителями и боярами, что неприлично держать как бы в плену чудотворную икону Богоматери, и почтив епископа Мисаила и его спутников, отпустил с ними икону с особым церковным торжеством, а себе оставил с нее точную копию. Когда прибыл в Литву митрополит Григорий, Мисаил, извещая о нем первосвятителя Московского, говорил и о своем противодействии прибывшему лжемитрополиту и удостоился услышать от Ионы следующие слова: «А что, сыну, по своему святительскому долгу побораешь и стоишь за православие, и верую Христу, моему Владыце, что не далеке будешь Небеснаго и безконечнаго Его Царствия», хотя потом вместе с другими епископами Мисаил и признал Григория и вошел с ним в общение. Как совершилось избрание Мисаила в митрополита, с точностью неизвестно. Судя по тому, что в избрании епископов литовских принимали тогда участие и духовенство, и дворянство, и прочие миряне епархии, для которой избирался епископ, и имея в виду, что один из ближайших преемников Мисаила по митрополитской кафедре еще при короле Казимире несомненно был избран духовенством, князьями, боярами и вообще православными только не одной какой-либо епархии, а всей Литовской митрополии, можем думать, что таким же образом избран был и Мисаил. Впрочем, как бы ни совершилось его избрание, оно состоялось не прежде 1475 г. и, следовательно, спустя уже около двух лет по смерти Григория. Это зависело или от того, что король не скоро дал приказание об избрании нового митрополита: без воли короля избрание не начиналось; или от того, что самый процесс избрания потребовал много времени; или от того, наконец, что король долго колебался, кого предпочесть и утвердить на митрополии из числа избранных кандидатов. Очень вероятно, что измена митрополита Григория унии и подчинение православному Константинопольскому патриарху совершились без ведома короля Казимира и были ему крайне неприятны, когда сделались известными. А вслед за тем очень естественно, если королю желалось теперь назначить на митрополитскую кафедру такое лицо, которое согласилось бы возобновить и продолжить дело, начатое было Григорием и под конец им самим испорченное. По

крайней мере таким лицом оказался назначенный королем на митрополию епископ Смоленский Мисаил.

Вскоре по своем назначении он написал в Вильне вместе с некоторыми другими духовными лицами и знатными мирянами «епистолию», или грамоту, к папе Сиксту IV (от 14 марта 1476 г.), под которою подписался так: «Мисаил, священный епископ Смоленский, елект на митрополию Киевского престола и всея Росии», или по другому списку: «Пречестный в Бозе отец, освященный епископ Смоленский Мисаил, выбранный елект на митрополию Киевского престола и всея Росии». Эту замечательную грамоту первый огласил уже в начале XVII в., в самый разгар церковной унии в Литве униатский митрополит Игнатий Поцей, или Потей. В 15-й день июня 1605 г. он лично явился в виленскую ратушу, где заседали бурмистры и радцы обеих сторон, римской и русской, и показал им весьма старую книгу, найденную им в кривской церкви, писанную уставным славянским письмом и содержащую в себе описание Флорентийского Собора и грамоту митрополита Киевского Мисаила к папе Сиксту IV. Показывая книгу, Поцей сказал, что находит нужным напечатать столь важную грамоту для всеобщего сведения по-русски и по-польски, а чтобы противники не дерзнули разглашать, будто грамота напечатана не из старой книги, но по каким-либо новым рукописям, просил членов ратуши засвидетельствовать показанную им книгу с грамотою своими подписями и о всем этом заявлении занести в актовые книги ратуши и выдать ему выписку из них. Желание Поцея было исполнено, и он вскоре действительно издал в Вильне названную грамоту и на польском и на русском языке. С тех пор униатские и латинские писатели вслед за Поцеем с торжеством указывали на грамоту Мисаила как на свидетельство, что и в его время существовала уже уния в Литовском государстве, а православные или прямо отвергали подлинность грамоты, или относились к ней с сомнением и недоверием. Но если несправедливы последние, так как нет основания считать грамоту подложною, то несправедливы и первые: они видели в грамоте больше, нежели сколько в ней находится. Грамота, бесспорно, представляет свидетельство, но не о действительном существовании унии в то время, а только об одной из попыток к принятию унии и драгоценна для нас потому, что изображает тогдашнее положение православных в Литовско-Польском государстве, показывает настроение умов между ними и вообще проливает несколько света на этот темный период нашей церковной истории, о котором сохранилось так мало сведений. Кроме того, грамота имеет весьма важный интерес литературный: она почти единственный памятник духовной литературы в Западнорусской Церкви от 2-й половины XV в., хотя, правда, памятник не высокого достоинства, потому что при всей обширности своей скудна содержанием и отличается необычайным многословием и растянутостию, крайнею напыщенностию и повторениями одного и того же. Чтобы вернее судить об историческом значении этой грамоты, сделаем краткий ее анализ.

Вся первая, вступительная часть грамоты, довольно длинная, есть не что иное, как одна непрерывная и самая изысканная похвала папе. Его величают здесь вселенским папою, великим солнцем, всемирным светильником, отцом отцов, пастырем пастырей, достойнейшим викарием святой соборной и апостольской Церкви, чудноумным и всесветлым серафимом, вторым Моисеем законоположником, вторым Иисусом Навином, высшим самого чудного Самуила, другом Божиим; к нему относят слова Писания: *Таков нам подобаше архиерей, преподобен, незлобив, безскверен, отлучен от грешник* (Евр. 7. 26) – и выражаются, что никакое слово человеческое, никакая мудрость недостаточны к достойному восхвалению чудных и предивных его достоинств и что составители грамоты приносят ему свое «малое гранесловие» только от усердия своей теплой веры и от пламенной любви к нему, ублажая в нем вселенского пастыря, приносящего Богу Бескровную Жертву о мире всего мира, о благостоянии святых Божиих церквей и совокуплении их паки воедино, и пр.

Во второй части составители грамоты сообщают сведения о самих себе и о своей вере, жалуются на притеснения от латинян и просят папу примирить и уравнять их с латинянами, указывают самое средство к тому и, излагая все это, снова величают и ублажают его в самых пышных выражениях, восхваляют его добродетели, даже и те, какими отличался он, когда еще был простым иноком францисканского ордена, снова повторяют, что они не в силах достойно прославить и превознести его. «Все мы, – говорят они, – находящиеся здесь, на стране далече, словесные овцы того же стада Христова, той же св. соборной и апостольской Церкви, от четырех Вселенских светлейших патриархов Греческих по их уставу, обычаю и преданию, их греческим церковным научением порождены от купели св. крещения, обновлены банею пакибытия благодатию Св. Духа и добре пасемся ими в истинном благоверии на пажитях живоносных, на благоцветущих горах северной страны...» А между тем «некоторые, как мы слышали, наговорили о нас пред Вашею святынею ложь, будто мы несовершенные и неистинные христиане св. православной веры Христовой, и изрекли на нас многие другие подобные хулы... Таковые не хотят, чтобы мы были все едино тело о Христе, и не слышат Самого Христа, заповедавшего своим последователям: *да любите друг друга...* Но мы веруем Вашей наисвятейшей мудрости, что Вы не поверите всем этим и другим подобным клеветам на нас; веруем, что ты вселенский пастырь... (следует обширная похвала папе). Мы видим в наших странах многих принадлежащих к Западной Церкви, содержащих ее обычаи, из числа называющихся ее пастырями, которые думают яростию умножать стадо, а только больше погубляют его, достойных предают суду, вяжут и мучат, а иных силою влекут из благочестия в благочестие, расторгая союз мира и любви завистливым гневом. Одних неискusstный пастырь пугает криком и несправедливо и скоро низвергает и отлучает; другим пускает жезл во главу, пристращая врагов, и вдруг видит пред собою мертвецов; третьих, обьюродев от вспыльчивости, пхает ногою в спину и преломляет им ребра... Но мы видим иную премудрость Вашей святыни, привлекающую любовьию и овец, яже не суть от двора сего, да вси едино будут о Христе... (следует новое восхваление папы). Посему мы молим твое человеколюбие, о владыко, будь милостив к нам, живущим далече на северных странах, в светлом городе российскийския чреды, под уставом Восточной Церкви, содержащим св. седмь Вселенских Соборов, *к ним же купно и Осмый, Флорентийский, ухваляющим...* Ходатайствуй милостиво и о нас к Богу, да спасет тобою души наши... В нашей стране ходит слух, что настoит ныне год пятьдесятный в преславном Риме на отпущение всем грехов... Молим тебя, да не возбраниши и нам сего прещедраго и общаго всем великаго и многомилостиваго лета... Мы веруем и исповедуем Бога быти Отца Самаго от Себе, безначальнаго и нерожденна; Сына же от Отца рожденнаго прежде всех век, Бога праваго от праваго, во всем равна (Ему) существом; Духа же Святаго, равна купно исходяща *от Отца прежде, тажде и Сына едином духновением*, и подаем, и изливаем на всяку плоть обильно Господем нашим Иисус Христом... Вся, елика имать Отец, имать и Сын, разве нерождения; вся, елика имать Сын, Духа суть, разве рождения; вся же, елика суть Духа, Отче и Сыновне, разве исхождения, понеже бо *Дух не рожден, но исхожден от Отца*, а тако сии имена – нерождение, и рождение, и исхождение имут в триех Лицах едино Божество, едина сила, едино существо... Такова наша вера во Святую Троицу. Да заградятся же уста говорящих на нас неправду пред Вашим святительством... Мы исповедуем также едино крещение во оставление грехов, а не два, как поступают некоторые в наших странах, – силою влекут некоторых от нашей Церкви и совершают над ними второе крещение, говоря: так делать повелевает нам святейший папа. Рассмотря ж и рассуди, святейший отче, хорошо ли это и следует ли так делать?.. Мы все во едино тело крестихомся, аще иудеи, аще еллины, аще рабы, аще свободны, аще и мы, российски сыны, и весь наш великородный и многий славянский язык и вси единым пивом духовным напоихомся... вси есмы Тело Христово и уды Его отчасти. Зачем же эти нестроения, распри и расколы во едином теле?.. Потребно, весьма потребно твоей отеческой свя-

тости помыслить о сем внимательно и разумно и попещися о таком деле прилежно, чтобы не было распри в одном Теле Христовом, чтобы не противились христиане друг другу, не хулили друг друга за веру Христову. Но невозможно им иначе войти в союз мира и любви Христовой, если не пошлете, Ваша многоуважаемая святыня, в страны наши двух нарочитых разумных мужей, хорошо знающих закон и незазорно хранящих обычаи обеих Церквей и установление Флорентийского Собора. Мы говорим, чтобы ты дал нам одного грека, хранящего весь закон и устав Восточной Церкви Греческой, а другого от Западной Церкви Римской, хранящего свой закон. Оба они да будут святители премудрые, учительные, правдивые, кроткие, боголюбцы... и по данной от Вашей святыни власти да приводят (разногласящих и враждующих между собою христиан) в мир, любовь и братское согласие, но так, чтобы каждый ненарушимо соблюдал обычаи и устав своей Церкви, каждый стоял в своем. И таким образом средостение огады и вражды между нами будет разорено, и мы обои будем примирены во едину любовь Христову. О всем этом ты должен промышлять, святейший отче, да не будут расхищены Христовы овцы от татей и разбойников. Разумеем турок, и татар, и других поганых, которые, видя нестроение и вражду между христианами, овладели многими христианскими странами и многих обратили к своему закону Магометову... Но довольно нам беседовать о сем к Вашей святости, чтобы не наскучить вашему слуху, а возвратимся на прежнюю пучину духовных словес к вашей пастырской милости...»

В третьей части грамоты составители ее просят себе от папы как верховного пастыря разных духовных благ и милостей. «Мы ведаем, – говорят они, – что в тебе положены сокровища Божия милосердия и щедрот, в числе которых шесть главнейших: алчного накормить, жаждущего напоить, странного ввести в дом, нагого одеть, больного посетить, в темнице сидящего посетить и утешить... И мы желаем, да подашь нам все эти шесть даров от твоей пастырской святости в насыщение и наслаждение душ наших для вечной жизни». И вслед за тем выражают свои просьбы о каждом из шести даров порознь... «Мы алчем духовно – насыти нас небесным хлебом, Божественною манною. Мы жаждем – напой нас от источника воды живой. Мы странники на земле – введи нас в дом Господень. Мы наги и не имеем одеяния брачна, чтобы внити в небесный чертог, – приодей нас ризою прощения и одеждою спасения. Мы больны разными недугами – тяжкими грехами – уврачуй нас от них как врач духовный. Мы в темнице и во узах греховных – прииди к нам духом и преподай нам духовное утешение». Каждая из этих шести просьб изложена довольно обширно, повторяя одну и ту же мысль под разными образами и в разных оборотах речи. Достойны замечания здесь только два места. Прося себе у папы воды живой, писавшие грамоту выражаются: «От тебя истекает для всех источник жизни, источник приснотекущей воды посреди рая, беспрестанно кипящий Божественною благодатию, а от него истекают четыре реки, напояющие всю тварь через четырех Вселенских патриархов, св. столпов Восточной Церкви. От этих рек, точащих благодатную воду, все мы, живущие здесь в стране северной, прилежащей к востоку, напояемся всякий день изобильно к насыщению душ наших, омываемся ею в св. крещении, освящаемся и просвещаемся... эту воду мы с детства привыкли пить во все дни жизни нашей, мы, и отцы наши, и отцы отцов наших, а иных вод мы не привыкли вкушать, сомневаясь, не противны ли они нашему естеству». Далее, прося папу, чтобы он посетил и утешил их в темнице, говорят: «Вспомни великого чудотворца Николая, как он еще при жизни избавил трех мужей в темнице от смерти не только временной, но и вечной и был отцом-утешителем и многим другим в бедах и печалях. Преславные чудеса его и ныне обильно совершаются в нашей стране, на многих местах, во св. церквях наших русских. Он подает всем исцеление и здравие, слепым прозрение, хромым хождение... Все это всегда дарует милостивый отец, и не стыдится нас и наших церквей, не гнушается пребывать в них, хотя они и русские и содержат греческий устав, ибо и он был родом грек и потому знает

своих и свои знают его все». Просьбы оканчиваются новым восхвалением и прославлением папы и его достоинств.

В последней, заключительной, части грамоты писавшие ее просят папу, чтобы он не поленился отписать им на их писание и тем утешил и возвеселил сердца их; выражают великое удивление, что он не отвечал им на прежнее «написание некое благопотребно», которое недавно послали к нему их епископы, также князья, бояре и другие благочестивые мужи чрез легата Антония, ездившего к московскому великому князю с царевною Софиею, и умоляют объяснить им, почему они доселе не удостоены желаемого ответа, а наконец, как бы не довольствуясь всеми величаниями и похвалами, какие уже высказали папе во всех частях своей грамоты, обращаются к нему с словами великого славословия: *«Хвалим тя, хвалимаго от всех человек; благословим тя, благословеннаго от вышняго Бога; кланяем ти ся покланяемому от всего Собора христианскаго; славословим тя великия ради славы твоя, юже имашь свыше от Бога... Прощай грехи всему миру, прими молитвы наши: седай одесную престола славы во Церкви святых, аки на небесех, помилуй нас, яко ты еси един свят, ты един господь, начальный отец, всепресвятейший и многоблаженный Сиксте, славою и честью от Бога Отца многопочтен сый, паче всех земнородных сынов человеческих. Сего ради хвалим и благословим имя твое вовеки»* и пр.

Из представленного анализа грамоты легко видеть, что самое существенное содержание ее изложено во второй ее части. Православные в Литве терпели несправедливости и притеснения от латинян и потому решились жаловаться на них папе и, объясняя пред ним свою веру, просить его, чтобы он водворил мир, согласие и любовь между ними и латинянами и для этого прислал в Литву двух нарочитых людей: одного грека, другого латинянина, – вот и побуждение к написанию грамоты, и главный предмет ее, и ее цель! Как же выражали православные свою жалобу? По их словам, латиняне клеветали на них пред папою, будто бы они неистинные христиане и неправильно веруют даже в Пресвятую Троицу, а многие из латинских пастырей насильно привлекали православных к своему исповеданию и действовали при этом яростию и криком, употребляли иногда побои и мучения, доходили до убийства и вновь крестили православных при обращении их к латинству. Неоспоримое свидетельство, что жившие в Литве латиняне и их пастыри не считали своих православных соотечественников униатами и последователями Флорентийского Собора, иначе они не имели бы побуждений относиться к последним так враждебно и не стали бы перекрещивать их вопреки решению самого Флорентийского Собора, который признавал действительным и крещение православных в случае принятия ими Флорентийской унии. Как говорили православные о своей вере? Они называли себя совершенными и истинными христианами, последователями святой соборной и апостольской Церкви Христовой, а четырех Восточных патриархов – Вселенскими пастырями, добре пасущими их в истинном благоверии. Правда, упоминают они и о Флорентийском Соборе, но как? Мы содержим, говорят, семь Вселенских Соборов, к ним же и Осмый, Флорентийский, *ухваляем*. Исповедуют, по-видимому, и исхождение Святого Духа от Сына, но как? Сначала выражаются, что Дух исходит от Отца *прежде*, потом и от Сына единым духновением и подается тварям (речь, очевидно, лишь о временном исхождении Духа от Сына или раздаянии тварям), а далее говорят только: «Дух не рожден, но исходит от Отца», вовсе не упоминая о Сыне. Так не могли выражаться действительные последователи Флорентийского Собора, действительные униаты, но могли выражаться православные, которые готовы или склонны были принять унию, однако ж еще ее не содержали. Самым же решительным доказательством, что писавшие грамоту к Сиксту IV не были еще униатами, служит их просьба, чтобы папа прислал в Литву двух епископов, которые на основании Флорентийского Собора и привели бы их в единение и согласие с латинянами, т. е. в унию. А что ж значат все эти величания и похвалы папе, которыми наполнены все части грамоты, особенно первая и последняя? Величания эти так многочисленны, так неумеренны и напы-

ценны, что невольно возбуждают сомнение в их искренности и заставляют подозревать, не скрывается ли здесь какая-либо цель. И при чтении грамоты нельзя не заметить, что писавшие ее своими слишком щедрыми похвалами папе хотели, собственно, заискать у него и расположить его к себе, чтобы найти в нем себе защитника и покровителя и получить от него то, чего желали. Раз они уже писали к папе и не удостоились от него никакого ответа. Теперь написали к нему вновь самое льстивое послание с самыми преувеличенными величаниями и рассчитывали, не умилюют ли папу хоть этим и не вызовут ли его на действия в их пользу. Что значат также их просьбы к папе о разнообразных дарах духовных, изложенные в третьей и отчасти во второй части грамоты? Просьбы эти неразрывно соединены с похвалами папе и неизбежно из них вытекали. Уверяя папу, что признают его викарием Христа, пастырем пастырей, верховным первосвященником, раздающим всем христианам духовные дары, составители грамоты, естественно, должны были просить от него и себе этих даров, и действительно просили, чтобы он ходатайствовал за них пред Богом, чтобы разрешил им грехи, чтобы позволил и им участвовать в юбилейном отпущении грехов и пр. Такими своими просьбами, покорными и униженными, равно как и пышными хвалами, они думали только более угодить папе. Вспомним, что к тому же папе Сиксту IV приходил (1472) посол из Москвы, фрязин, от великого князя Ивана Васильевича, чтобы просить ему руки греческой царевны Софии, и этот посол для достижения своей цели уверял папу от имени своего государя, что последний признает его главою Церкви, не отвергает Флорентийского Собора и готов принять в Москве римского легата, который исследовал бы на месте обряды русской веры и указал бы заблуждающимся путь истины. Для чего все это говорилось? Ужели Иван III был униат или желал унии? Нет, все это говорилось лишь для того, чтобы угодить папе, расположить его к себе и получить от него то, чего у него искали, а Иван III не был униат и вовсе не желал принимать унии, как и показали последствия, когда легат папский Антоний прибыл в Москву вместе с невестою для великого князя царевною Софиею и побеседовал с митрополитом Филиппом о вере. Даже Иван Грозный, если верить Поссевину, когда угощал его в своих палатах еще до примирения с Баторием, величал папу главою Церкви, а когда достиг своей цели, заключил с Баторием мир при содействии Поссевина, то прямо называл папу даже не пастырем, а волком.

Чтобы еще точнее определить значение рассматриваемой нами грамоты, необходимо обратить внимание на то, кем она послана к папе и подписана. Грамота адресована к папе, как гласит ее заглавие, «от духовенства, и княжат, и панов русских з Вилни», и в самой грамоте они говорят, по-видимому, от лица всех православных, живших под властью литовско-польского короля. Но подписались под грамотою со стороны духовенства только три лица: избранный на митрополию епископ Смоленский Мисаил и два архимандрита митрополичьей епархии – киево-печерский Иоанн и виленский свято-троицкий Макарий, а из прочих иерархов-епископов не подписался никто, и из архимандритов, и вообще из духовенства их епархий также никто – обстоятельство чрезвычайно важное. Из светских же подписались тринадцать особ: два князя, родственники короля Казимира, Михаил слуцкий и Феодор бельский; князь Димитрий Вяземский; Ян Ходкевич, наместник витебский, великий гетман и маршал великого княжества Литовского; брат его Павел, наместник каменецкий; Роман из Киева, староста путивльский; брат его Иван из Киева, строитель замковый и посол «до поганов»; Евстафий Васильевич из Полоцка, высший сенатор; Якуб, главный писарь великого княжества Литовского и ключник виленский; Михаил Александрович из Загорова, честный сенатор земли Вольнской; брат его Андрей из Попортеи, сын подскарбия (вроде министра финансов) Александра; Солтан Александр, славный рыцарь и подскарбий короля Казимира, и младший брат Александра Солтана Иван, избранный также в земского подскарбия великого княжества Литовского. Что же отсюда следует? Прежде всего то, заметим мимоходом, что Городельский декрет 1413 г., запрещающий допускать православных на высшие государ-

ственные и общественные должности в Литве, при Казимире не соблюдался, потому что вот пред нами на высших служебных местах столько лиц православных, хотя и выражавших теперь, по-видимому, наклонность к унии. А по отношению к грамоте, нами разбираемой, следует, что ее никак нельзя признать писанною от лица всех православных Литовско-Польского государства. Если желали послать грамоту к папе от имени Западнорусской Церкви, в таком случае надлежало созвать Собор всех ее архипастырей и знатнейшего духовенства и написать грамоту от Собора, хотя с участием и светских людей, или если даже не созывать Собора, то по крайней мере следовало бы собрать на грамоте подписи всех иерархов и их более знатного епархиального духовенства во свидетельство их согласия, между тем этих подписей под грамотою нет. Грамота, вероятно, была делом лишь одной партии, хотя и весьма сильной, судя по тому, что подписана преимущественно светскими лицами высшего круга, близкими к королю. Король Казимир по воле папы с назначением митрополита Григория сделался главным покровителем и поборником унии в Литве, и близкие к нему лица из православных, как мы уже замечали, могли, из одного лишь желания быть ему угодными, показывать пред ним свою склонность и расположенность к унии в то время, когда жив был Григорий. А теперь, когда Григорий скончался и король был озабочен, как бы поддержать унию в Литве, еще с большим, по видимости, усердием могли предложить ему как лучшую для того меру готовность с своей стороны послать к папе грамоту об унии от имени всех православных Литовского княжества. Почему не согласились участвовать в этом литовские православные епископы, можно догадываться. Пока держался унии митрополит Григорий, они открыто не восставали против него и наружно ему подчинялись и покорялись, потому что такая покорность была для них легка и не насилывала самой их совести. Лично сноситься с Григорием приходилось им весьма редко, а большею частию они жили вдали от него, в своих епархиях, где среди своей православной паствы свободно могли содержать и исповедовать родное православие. Но теперь, когда от них потребовали обратиться к папе и подписать к нему грамоту, касавшуюся унии и наполненную такими подобострастными величаниями ему и такими унижительными пред ним просьбами, дело уже не могло обойтись без насилия совести, и неудивительно, если епископы, как и подведомое им духовенство, не захотели принести такой великой жертвы. Правда, епископы в 1473 г. подписали послание к папе, как свидетельствует грамота, но то послание могло быть составлено совсем иначе: там, может быть, только жаловались папе на притеснения латинян и просили его прекратить эти притеснения, а ни речи об унии, ни величаний папе вовсе не было. Согласился подписать грамоту лишь один епископ Смоленский Мисаил, избранный на митрополию, с двумя духовными лицами своей новой епархии, но не потому ли Мисаил и избран был на митрополию, что от него наперед взяли согласие участвовать в этом деле? Впрочем, высказывая мысль, что посольство в Рим, бывшее в 1476 г., с грамотою от митрополита Мисаила и других русских было делом не всей Западнорусской Церкви, а только некоторых лиц, мы вовсе не думаем осуждать этих лиц. Кроме желания сделать угодное королю они, очевидно, водились и другими, высшими, побуждениями. С горестью говорили они в грамоте о тех оскорблениях и обидах, какие приходилось испытывать тогда православным в Литовско-Польском государстве от латинян и их прелатов, и надеялись, что папа прекратит эти несправедливости, а выражая пред папою свою готовность принять Флорентийскую унию и прося его прислать для этого двух ученых мужей, может быть, рассчитывали, что согласие с латинянами состоится и без особенного ущерба для православия.

Всего же важнее для нас здесь вопрос: какой был результат грамоты 1476 г. к папе Сиксту IV? На первую грамоту русских литовцев, посланную в 1473 г. чрез легата Антония, папа не дал ответа. Почему не дал? Антоний только что возвратился из России. Его приглашали туда по делам религиозным, выражая желание будто бы принять Флорентийскую унию. И что же? Ему едва позволили в Москве только однажды побеседовать с митрополи-

том о предметах веры, а затем почти осмеянного отпустили ни с чем. Папа не мог не огорчиться и не понять, что его обманули. Неудивительно, если он с недоверием принял и грамоту русских, привезенную ему из Литвы Антонием, и оставил ее без всякого внимания. Точно так же мог отнестись папа и к грамоте русских 1476 г. Он видел, что грамота не подписана епископами, кроме одного Смоленского, избранного на митрополию, и в то же время мог получить от своего нунция в Литве или от бискупов самые верные сведения, что грамота эта – дело лишь небольшой партии, между тем как массы русского народа вполне враждебны Римской Церкви и вовсе не желают единения с нею. По крайней мере, не сохранилось никаких известий, чтобы папа присылал тогда в Литву своих легатов по делам Западнорусской Церкви, о чем просили его в грамоте, и чтобы сделаны были им тогда в этой Церкви какие-либо распоряжения относительно унии. Ровно через четверть столетия мы снова увидим совершенно подобное сношение Литовского православного митрополита с Римским владыкою и вместе полное недоверие и пренебрежение со стороны папы к грамоте митрополита.

Посольство в Рим с грамотою к папе Сиксту IV – почти единственный факт, известный за все время управления митрополиею Мисаила. Сохранились еще известия о двух вкладышах и дарственных записях, данных в 1480 г. новгородским войтом Макаром Кудричем и мещанином Волочком новгородскому Борисоглебскому собору на имя «Смоленского владыки» Мисаила. Откуда можем заключать, что в 1480 г. Мисаил еще управлял митрополиею (следовательно, скончался не прежде) и жил в митрополичьем новгородском доме, находившемся при кафедральном соборе, но не был и не назывался в народе действительным митрополитом, а по-прежнему носил имя Смоленского владыки, оставаясь только избранным на митрополию и управляя ею. Необходимо предположить одно из двух: или в Царьград вовсе не обращались с просьбою, чтобы патриарх благословил Мисаила и утвердил в митрополитском сане, или патриарх не согласился дать Мисаилу свое благословение и утверждение.

III. Четыре следующие митрополита

Не без основания можно думать, что тогдашний Цареградский патриарх Рафаил (1477–1480) действительно не благословил Мисаила и не утвердил в звании митрополита, может быть узнав о его бывших сношениях с папою. На такую мысль наводит то обстоятельство, что еще при жизни Мисаила патриарх вместе со всем своим освященным Собором сам избрал, рукоположил и прислал в Литовскую Церковь прямо из Царьграда другого митрополита Киевского и всея Руси. Это был Спиридон, родом тверитянин, прозванный «за ревность его» Сатанюю. Король Казимир, естественно, не принял Спиридона как избранного без всякого участия литовской паствы и поставленного еще при жизни Мисаила вопреки прямому желанию короля, причем намеренно могли распространить молву, что Спиридон поставлен «на мзде» по повелению турецкого султана, хотя, может быть, это была и правда. И не только Казимир не принял нового митрополита, но и «посади в заточении», в котором и оставался Спиридон до 1482 г., если не далее. В этом году он посылал своего пана в Москву к великому князю просить его заступничества и велел передать Ивану Васильевичу: «Я много мощей вез тебе от патриарха, но король все себе забрал». Московский князь долго держал того пана и наконец отпустил, сказав: «Не подымать же мне из-за этого рати и не воевать с королем». Потом, неизвестно как и когда, Спиридон успел освободиться от заточения в Литве и прибыл в Москву. Но и здесь его не приняли, а отправили на заточение в Ферапонтов монастырь. В Москве вполне поверили, что Спиридон купил себе митрополитский сан, придали поступку Спиридона даже слишком много значения, и в предотвращение подобных случаев на будущее время в самую присягу епископскую были внесены следующие слова: «Отрицаюсь... (после Исидора и Григория Болгара) и Спиридона, нарицаемого Сатана, взыскавшего в Царьграде поставления, в области безбожных турок поганого царя, такожде и тех всех отрицаюсь, еже по нем когда случится прийти на Киев от Рима латинского или от Царьграда турецкия державы» Слова эти находились еще в архиерейской присяге при митрополите Московском Симоне (1495–1511).

Между тем Спиридон принадлежал к числу людей образованных и начитанных. Еще в то время, когда он находился в Литве, он написал весьма обширное окружное послание, или «Изложение о православней истинней нашей вере», обращенное им ко всей его духовной пастве. В предисловии к Изложению он прежде всего объясняет, что заставило его писать («понеже пред нашими очима, видим, многа св. правила отвержена, творятся в православии нашего христианства, ихже не подобает, сего ради исписахом от правил св. апостол и св. отец 7-ми Собор свидетели»); потом свидетельствует о самом себе, что принял рукоположение и поставление на «Киевскую митрополию всея Руси» в Царьграде от святейшего патриарха кир Рафаила и всего освященного Собора святых митрополитов и боголюбивых епископов; упоминает о своих страданиях за правду («сладки нам юзы и радостна изгнанья, иже по преданию св. апостол правилом и по св. 7-ми Собор Вселенских умрети, нежели святых попоранию приблизитися»), и оканчивает предисловие словами: «Радость, мир всему православию». В самом Изложении «Спиридона, архиепископа Киевского всея Руси», как он здесь титулуется себя, можно различать три части. В первой он кратко передает в хронологическом порядке, когда, при каких царях и патриархах и по какому поводу были все семь Вселенских и девять Поместных Соборов и что сделали они и определили. Во второй на основании этих Соборов представляет довольно подробное исповедание православной веры («веруем убо...») о Пресвятой Троице, о таинстве Воплощения, о почитании икон, о Пресвятой Богородице и проч. и затем изрекает ряд проклятий против бывших ересей и заблуждений, которые прежде были прокляты Соборами и святыми отцами. В третьей перечисляет в хронологическом порядке главнейших еретиков и кратко излагает, в чем состояли самые их ереси.

После каждой части Спиридон обращается ко всем православным с убеждениями («Молюся вы, возлюблении о Христе... молю вы, братие, именем Господа...»), чтобы они пребывали твердыми в вере православной, то же мудрствовали, то же исповедовали, без всяких разногласий и распрей, чтобы на основании веры назидали не золото или серебро, а добрые дела, чтобы соблюдали себя от всяких ересей и заблуждений. А в заключение всего Изложения обращается к самим иерархам – «настоильникам» и убеждает их вооружаться против ополчения вражия, ревностно оберегать и пасти словесное стадо, в котором Дух Святой поставил их епископами и пастырями; не увлекаться пристрастием к земным благам и жестокосердием («Да не будем, любимии, злату хранители, и серебру собиратели, и ризам мягким любиви... Колицы суть вашего престольства недужни в градах ваших, лежаще при вратех церковных и по уличиям... и никто же милуай!»), а церковные имения употреблять по удовлетворении нужд церковных на пособие нищим, сиротам, вдовицам и на выкуп пленных, а «не на своя страсти». Изложение митрополита Спиридона дает повод догадываться, что хотя он не был принят королем и находился в заточении, но ни православная паства литовская, ни ее святители не чуждались его как своего первосвященника, может быть, потому именно, что он поставлен был самим патриархом в Царьграде и, не доверяя слуху, будто бы поставлен на мзде и по приказанию султана. Спиридон обращается к ним без всякого чувства недовольства или неприязни, которые были бы так естественны, если бы он был отвергнут своею паствою; напротив, обращается с словами любви и пастырской попечительности, ясно свидетельствующими, что между им и теми, к кому он писал, существовали добрые отношения. Предположить, что это окружное послание Спиридон написал, лишь только прибыл в Литву, когда отношения его к пастве еще не определились, возбраняют упоминаемые им узы и изгнание, которые он уже терпел.

Другой памятник своих книжных занятий Спиридон оставил, когда проживал в Ферапонтовом монастыре на Белоозере. Досифей, соловецкий игумен, написав по желанию Новгородского архиепископа Геннадия как мог, просто и неискусно, записки об основателях Соловецкой обители преподобных Зосиме и Савватии, упросил потом Спиридона составить вновь на основании этих записок и изложить стройно житие начальников Соловецких. «Бе бо он, – по словам Досифея, – тому мудр добре, умея Писания Ветхая и Новая». Спиридон действительно изложил вновь житие преподобных Зосимы и Савватия и, окончив свой труд, пометил его 1503 г. Когда это житие было представлено Досифеем архиепископу Геннадию (†1505), то последний сказал о Спиридоне: «Сей человек в нынешняя роды *беша* столп церковный, понеже измлада навиче Священная Писания». Кончину Спиридона, очевидно, надобно полагать между двумя только что означенными годами, и, следовательно, заточение его в Ферапонтовом монастыре было очень продолжительно. Спиридону не суждено было управлять Литовскою православною митрополиею, на которую он был поставлен, но в ряду всех ее митрополитов, действительно управлявших ею за настоящий период, мы не встречаем ни одного, который бы равнялся с Спиридоном по уму и образованию или, точнее, оставил по себе такие же литературные памятники своего ума и образования.

Король Казимир не принял митрополита, присланного в Литву из Царьграда, хотя, быть может, сами православные литовцы не отказались бы принять присланного и не чуждались его. Но когда они по воле короля избрали себе нового митрополита, именем Симеона (не из епископов ли Полоцкой епархии, где тогда действительно святительствовал Симеон?), Казимир согласился уступить им и дозволил просить новоизбранному благословения и утверждения на митрополию не у папы, а у Цареградского патриарха. И в 1481 г. патриарх Максим (1480–1487), один из достойнейших по уму и благочестию, прислал в Литву свой «благословенный лист» к Симеону, всем епископам и ко всему православному люду и вместе – двух своих экзархов: митрополита Енейского Нифонта и епископа Ипанейского Феодорита, которые, вероятно, и совершили с русскими епископами самое посвящение

Симеона в митрополита. С этого времени начинается никогда уже затем не прерывавшееся поставление всех Литовских митрополитов Цареградским патриархом и вообще начинаются, хотя и редкие, проявления его духовной власти по отношению к Западнорусской Церкви. Так, в том же 1481 г. патриарх прислал Киево-Печерской обители по просьбе ее архимандрита и всей братии ставропигиальную грамоту, в которой, подтверждая за обителью все права, дарованные ей будто бы еще Андреем Боголюбским и прежними патриархами, постановил, чтобы митрополит вовсе не вступался в дела ее, а мог только ставить для обители, когда пожелают братия, архимандрита, игумена, пресвитеров и диаконов и чтобы обитель знала над собою лишь патриарха и великих государей, владеющих великим княжением Русским и Киевом. Просьбу свою об этой грамоте к патриарху киево-печерская братия и архимандрит посылали, должно быть, вместе с послами, ходившими из Литвы в Царьград за благословением для нового митрополита, и самая грамота принесена, вероятно, теми же экзархами, которые принесли и благословенный лист митрополиту Симеону, потому что оба документа подписаны патриархом одновременно. Но, сделав такую важную уступку своим православным подданным, т. е. дозволив им испросить благословение для нового своего митрополита у православного Цареградского патриарха, король Казимир издал вслед за тем и весьма неприятный для них указ, которым запрещалось им не только строить новые храмы по своему обряду, но и поправлять и восстанавливать прежние и обветшавшие. Этот указ, свидетельствующий уже об открытом притеснении православной Церкви в Литве, король будто бы вынужден был издать неотступными просьбами своего сына Казимира, юноши, до фанатизма преданного латинству и аскетической жизни и вскоре скончавшегося (†1484), но во всяком случае издал не без соизволения самого Римского владыки, к которому потому-то и обращались впоследствии православные, как увидим, с просьбами об отмене настоящего указа.

Время управления митрополита Симеона Церковью не богато событиями. Одно из них было весьма горестное. В 1482 г. крымский хан Менгли-Гирей, в угодность московскому великому князю Ивану III, внезапно вторгся во владения короля Казимира, овладел (1 сентября) Киевом, ограбил его и выжег, взяв множество пленных, и при этом ограбил и сжег Печерскую церковь и монастырь и взял в плен печерского архимандрита Феодосия Войковича, или Войнкловича; ограбил и Софийский митрополичий собор и похищенные из него сосуды – золотой потир и дискос – отослал в Москву к великому князю. Достоин замечания, что в это время воеводою в Киеве после Мартина Гаштольда (1471–1480) был православный, Иван Ходкевич, которого также татары захватили в плен со всем семейством. Другие события относились к благоустройению монастырей, к расширению или охранению их прав и владений. Около 1480 г. получил начало Коложский монастырь в Гродне при церкви святых мучеников Бориса и Глеба, основание которой относят еще к XII в. Первыми вкладчиками на монастырь были гродненские мещане (*мещанами* назывались тогда в Литве вообще горожане, жители *мест* – городов) – Иван Сергиевич и другие, а первым игуменом монастыря – Каллист. Пред своею кончиною Иван Сергиевич завещал на монастырь (15 марта 1485 г.) свой дворец – фольварк с пашнями, лесом и сеножатями. В 1483 г. кобринский князь Иван Семенович с супругою по просьбе киево-печерского архимандрита Феодосия с братиею пожаловал им новую грамоту на село Ососово с даяниями и доходами взамен грамоты своего деда Андрея Владимировича, сгоревшей во время бывшего в предшествовавшем году татарского набега. Мстиславский князь Иван Юрьевич не только подтвердил (1483) за Онуфриевским монастырем все даяния своего отца и деда Симеона – Лингвеня Ольгердовича, основателя монастыря, но пожаловал ему и от себя новые вотчины и уголья и утвердил, чтобы монастырские люди были свободны от пошлин и повинностей и от подсудности светским властям, а платили положенные дани только архимандриту и подлежали только его суду; чтобы даже по делам духовным судились не владычными *десятинниками*, а тем же

архимандритом и чтобы самого архимандрита не судили и не рядили ни местный владыка, ни митрополит, а судил по всем делам сам князь, и лишь по духовным – вместе со владыкою. Маршалок Волынской земли староста луцкий Елеазар Кирдеевич отказал (1483 и 1486) Красносельскому Спасскому монастырю (Красноселье – ныне деревня близ Луцка) села с угодьями и десятину с своего двора и поля, а подскарбий великого короля Казимира Иван Стретович дал (1486) запись Лаврашеву монастырю, близ Новогрудка, на тридцать коп жита с одного своего имения. Здесь нельзя не остановиться на том, что оба эти жертвователя занимали важные государственные должности, хотя и исповедовали православную веру, – новое доказательство, что тогда не действовал известный Городельский приговор 1413 г., воспрещавший допускать православных в Литве на государственные должности. Некто Юрий Зеновьевич дал (1486) отказную запись Киево-Печерскому монастырю на сельцо Киселевичи в Бобруйской волости с медовою и денежною данью. Сам король с своею радюю, рассмотрев по жалобе архимандрита смоленского Архангело-Михайловского монастыря Геннадия спорное дело монастыря с частным лицом о земельном владении, решил (1486) дело в пользу монастыря. В то же время делались пожертвования и на церкви. Две княгини, Зубревицкая и Трабская, из рода князей Гольшанских пожаловали (1486) на дом Пречистой в Вильне (Пречистенский собор) «отцу митрополиту Симеону *Киевскому и всея Руси*» и его будущим преемникам населенное имение в Турци со всеми данями и повинностями. А кобринский князь Иван Семенович и его супруга «поставили» церковь Рождества Христова в своем имении Дубочинах (ныне Пружана Гродненской губернии) и назначили (1487) в пользу ее некоторые поля и часть доходов с своих имений. Если бы церковь была поставлена в это самое время, а не прежде, в таком случае следовало бы заключить, что закон, возбранявший построение православных церквей, не везде исполнялся.

Из деяний самого митрополита Симеона осталось известным только одно: в 1487 г. он поставил, по современному свидетельству, епископа Владимиру и Берестью Вассиана. А в следующем (1488) году, по тому же свидетельству, митрополит Симеон уже скончался.

Об избрании и поставлении преемника митрополиту Симеону дошла до нас, хотя и в позднем списке, челобитная, которую посылали по этому случаю к Цареградскому патриарху русские князья великого княжества Литовского. Челобитная представляет большой интерес по содержащимся в ней сведениям. В своем обращении к патриарху русские князья называют его «первостоятельным» по чину Великого Архиерея Господа Иисуса, имеющим равную власть со всеми Его учениками и апостолами, обручителем, правителем, православным светильником Восточной христианской Церкви по вселенной, изливающим на всех по вселенной источники живодательных вод, святейшим, благословеннейшим, отцом отцов и подобное, а о себе говорят, что живут под державою великого господаря короля польского и великого князя литовского и русского Казимира и содержат веру православную греческую при помощи Божией «неотступно и до смерти». Сказав затем о кончине митрополита Киевского, архиепископа всея Руси Симеона, продолжают, что после него Киевская митрополия «немало» вдовствовала и что они неотступно умоляли господаря своего, да повелит избрать годного настоятеля на престол Киевский и всея Руси. Когда король повелел, то происходило «взыскание многое» по всем странам его державы, пока не обрели мужа святого, сугубо наказанного в писаниях, могущего и иных пользоваться и «противящимся закону нашему сильного возбранителя» Иону, архиепископа Полоцкого. Избранный долго не соглашался, называл себя недостойным и едва был умолен просьбами князей, всего духовенства и людства и подвигнут повелением господаря. После того Иона с соизволения короля и с его листами, или грамотами, отправил своего посла, архимандрита слущкого Троицкого монастыря Иосифа, к патриарху просить себе его благословения на митрополию. Изложив все это, князья с своей стороны от всего сонма сынов русских так умоляют патриарха: «Да учинит святыня твоя к нашему утверждению, *ради теснящих нас в вере*, милосердно, и да не

умедлит от руки твоей меч духовный отцу нашему, имже оборонити нас» (живое свидетельство, что православные в Литве тогда действительно терпели притеснения). А в заключение, упомянув, что самому Ионе невозможно идти в Царьград, снова просят патриарха внять их писанию и не презреть их молений. По указаниям самой челобитной можно догадываться, что она составлена была и отправлена в Константинополь уже пред кончиною короля Казимира, последовавшею 25 июня 1492 г., так как Иосиф, с которым послал Иона листы короля к патриарху, мог сделаться настоятелем слуцкого Троицкого монастыря никак не раньше первых чисел июня того же года. А что Иосиф ходил тогда в Царьград, об этом свидетельствует он сам, хотя и не говорит, по какому случаю. Таким образом, прошло около четырех лет со смерти митрополита Симеона, пока совершалось избрание его преемника Ионы и пока решились испрашивать ему благословения и поставления на митрополию у Цареградского патриарха. До получения этого благословения Иона, по фамилии Глезна, мог титуловаться только *избранным* или *нареченным* митрополитом.

Про митрополита Иону рассказывают некоторые иезуитские и униатские писатели, будто он пользовался особенною расположенностию короля Казимира, так что Казимир пожелал видеть его даже при своей смерти и будто бы принял от него самое напутствие. Но это не более как недоразумение, намеренное или ненамеренное. Более древний униатский писатель, Дубович, сказал о митрополите Ионе лишь следующее: «В его время умер Казимир, о котором так написано в русской летописи: умер Казимир Ягеллович, король польский... *при митрополите Киевском Ионе Глезне*». А последующие писатели поняли слова «умер король *при* митрополите Ионе» так, будто Казимир умер в *присутствии* митрополита Ионы, и заключили, что, видно, король особенно уважал Иону и сам пригласил его к себе для напутствия и что, следовательно, Иона был униат, между тем как Казимир и не имел времени приглашать к себе Иону пред своею смертию, потому что умер в Гродне почти внезапно, во время быстрого переезда своего из Вильны в Краков. Казимир мог любить и уважать митрополита Иону по его личным достоинствам и по другим причинам, но чтобы приглашал его к себе пред своею кончиною и принял от него напутствие, на это нет никаких доказательств. Казимир вовсе не был фанатиком католицизма и ненавистником православия. Напротив, как мы видели, он явно благоволил к православным своим подданным и к Московскому митрополиту Ионе в продолжение нескольких лет, пока не был прислан в Литву из Рима особый митрополит, Григорий Болгарин. И если потом Казимир покровительствовал Григорию, принимал меры против православных, старался утвердить между ними унию, то все это делал преимущественно, если не единственно, из послушания папе, который за потворство схизматикам мог угрожать ему даже проклятием. Истинными притеснителями русских в Литве были латинское духовенство и прелаты, как и говорили сами русские Сиксту IV в своем известном послании. Казимир уступил неотступным просьбам своего болезненного, фанатичного сына, настроенного ксендзами, и издал закон, запрещающий строить и обновлять православные церкви, но мы не знаем, настаивал ли Казимир на повсеместном исполнении этого закона; другой же закон, старый, враждебный православным, запрещающий допускать их на высшие должности в Литовском государстве, при Казимире действительно не соблюдался или, по крайней мере, не всегда соблюдался. Не отказывал Казимир по временам и в прямом покровительстве православным. Он дал, как мы упоминали, подтвердительную грамоту перемышльскому православному духовенству в ограждение его прав от светских людей; не раз приказывал своим смоленским наместникам не вмешиваться в духовные дела местного православного епископа, не судить его людей и духовных лиц, не возбранять ему призывать и селить на своих землях зарубежных выходцев; дал обещание жителям Смоленска и Витебской области «не рушить христианства их греческого закона, не вступаться в их церковные дома»; пожаловал даже общую грамоту православному митрополиту и всем православным епископам о неприкосновенности их святительских прав и суда,

а равно церковного имущества и доходов, хотя гордые прелаты и паны, да и вся своевольная шляхта, начавшая уже во дни Казимира приобретать великую силу в Литовско-Польском государстве, и мало повиновались таким распоряжениям своего короля. В последние годы своей жизни Казимир, сколько известно, пожаловал (1489) киевскому Николаевскому Пустынскому монастырю сельцо Княжич под пашню и присудил (1489) причту Николаевской церкви в Смоленске право на владение селом Фоминым с десятиною, а Смоленскому епископу Иоакиму, присылавшему с просьбою своего *маршалка*, отказал (1490), так как село, которого домогался владыка, было записано на церковь незаконно. Неудивительно, если православные Литовско-Польского государства, несмотря на все, что приходилось им выносить за свою веру в многолетнее царствование Казимира, не питали к нему неприязни и один из них, занося в летопись известие о смерти короля, выразился так: «Преставися Казимир, король польский, Яггойлович и вел. князь литовский и русский, *справедливый, добрый*, при митрополите Киевском Ионе Глезне».

Не прекращались при митрополите Ионе благодеяния монастырям и церквам и со стороны православных. По смерти кобринского князя Ивана Семеновича супруга его Феодора дала (1491) на помин души его Спасскому монастырю в Кобрине село Корчичи со всеми доходами и даями. Пинский князь Михаил Константинович завещал (1489–1492) выдавать луцкому Красносельскому Спасскому монастырю десятину из своего дворца. В 1492 г. княгиня Анна Швидригайлова дала церкви святого Николая в селе Переходовичах Городецкого повета землю Бобучинскую, а князь Иван Васильевич Ярославич дал той же церкви землю Микитину с нивами, бортами и сеножатью. Слуцкая княгиня Анна жаловала (1489–1493) слуцкому Троицкому монастырю села, земли и угодья. Она имела по отношению к этому монастырю право патронатства, или подаванья, потому-то архимандрит монастыря Иосиф, когда избран был на епископию Смоленскую (1494), сдал монастырское имущество не преемнику своему, а непосредственно княгине. В 1491 г. татары во время своего набега на Волынскую землю сожгли во Владимире все церкви и великую церковь Пречистой мурованную. Епископ Владимирский и Берестейский Вассиан «обнови» эту великую церковь «муром, иконами, и ризами, и сосудами, паче же книгами» и освятил ее в 1494 г., на праздник Введения во храм Пречистой с епископами Луцким Ионою и Холмским Симеоном; нужно думать, что или закон Казимиров о невозобновлении православных церквей не действовал, или владыка Владимирский выпросил позволение обновить свою соборную церковь у нового великого князя литовского (с 28 июля 1492 г.), Александра Казимировича. К этому же времени относятся и первые действия самого Александра в пользу православного духовенства: в 1492 г. он подтвердил все права, данные его предками духовенству, князьям, боярам и всей шляхте литовского, русского и жмудского народа, без всякого различия по вере, а в 1494 г. подтвердил грамоту отца своего киево-печерскому архимандриту Филарету на настоятельство в этом монастыре и грамоты отца своего смоленскому наместнику о невмешательстве в духовные дела епископа и, в частности, в его суды и имения. Но надобно заметить, что в том же 1494 г. Александр поселил в Гродне бернардинов, подарив им плац, на котором прежде находился замок великих князей литовских.

Кончину митрополита Ионы Глезны надобно относить к 1494 г., если не к более раннему времени, потому что в начале следующего года мы видим уже «введеннаго на митрополиче место» и «нареченнаго митрополита» Макария. О предшествовавшей его жизни и служении достоверно известно только одно: что пред избранием на митрополию он был архимандритом Свято-Троицкого монастыря в Вильне. Униатские же писатели, желая видеть в нем униата, утверждают еще, что он-то и был тот самый виленский троицкий архимандрит Макарий, который в 1476 г. подписал вместе с другими русскими грамоту к папе Сиксту IV, как будто в течение двадцати лет не могли перемениться в обители два и три настоятеля, даже одноименных. Это действительно и подтвердил сам Макарий, когда,

будучи уже митрополитом, сказал жителям Вильны: «Дети милыи, я тот (Троицкий) монастырь держал от Симеона митрополита» (1481–1488); следовательно, не от Мисаила и не от Григория, предместников Симеона, и, значит, в 1476 г. держал Троицкий монастырь в Вильне другой архимандрит Макарий, который и подписался с Мисаилом под названною выше грамотою. В 1495 г. совершилось и рукоположение архимандрита Макария в сан епископа-митрополита. «Собрались тогда, – говорит местный современный летописец, – епископы: Владимирский Вассиан, Полоцкий Лука, Туровский Вассиан, Луцкий Иона – и поставили архимандрита Макария, по прозванию Чёрта, митрополитом Киеву и всей Руси, а к патриарху за благословением послали старца Дионисия и Германа диакона-инока». Вскоре за тем один из названных епископов, Иона Луцкий, скончался от свирепствовавшего морозного поветрия, и митрополит Макарий произвел для Луцка во епископы архимандрита Кирилла. Посланные в Царьград старцы Дионисий и иеродиакон Герман возвратились лишь осенью следующего (1496) года, а с ними пришел от патриарха Нифонта посол, келейный его старец Иоасаф, и принесли они благословенные листы под большими оловянными печатями, великому князю и княгине, митрополиту и епископам, князьям и боярам и всем православным христианам. Только посол патриарший заметил епископам: «Вперед не поставляйте митрополита прежде, нежели получите благословение от нас, разве будет великая нужда». Епископы отвечали: «Мы не отвергаемся древних обычаев соборной Цареградской Церкви и благословения отца нашего патриарха, но сотворили это по нужде, как и прежде нас сотворили наши братья епископы при вел. кн. Витовте, поставившие митрополитом Григория Цемивлака; да и в правилах св. апостолов и св. отцов написано: два или три епископа, без всякого сомнения, да поставляют епископа». Посол сказал: «Вы поступили хорошо, по нужде и изменение закона бывает». Недолго после этого суждено было святительствовать митрополиту Макарию. «В 1497 г., – говорит тот же современный летописец, – мая 1-го, на шестой неделе после Великого дня (Пасхи) в понедельник, безбожные перекопские татары убили преосвященного *митрополита Киевского и всея Руси архиепископа* Макария. Вторглись они в нашу землю скрытно от всех и настигли его в селе Стриголове (Минской губернии) на реке Бчиче, за пять миль от Мозыря, и из бывших с ним одних убили, а других взяли в плен... Но я уповаю на Господа Бога, что такая смерть случилась архиерею Божию для большего ему воздаяния, ибо он ехал в Киев, желая помочь церкви Божией – Софии, разоренной прежде теми же агарянами».

Самым важным событием во дни Макария был брак литовского великого князя Александра с дочерью московского великого князя Ивана III Еленой. При заключении брака имели цель политическую: утверждение дружбы и мира между государями и их государствами. Но православные, жившие в Литве, естественно, могли ожидать от него благодетельных для себя последствий и в религиозном отношении могли надеяться, что отसेле они будут иметь для своей веры высокую защитницу и покровительницу в лице самой великой княгини и что ради ее ходатайств великий князь сделается к ним снисходительнее и благосклоннее. Такие надежды, казалось, находили для себя прочную опору в том, что Александр еще пред браком дал своему будущему тестю по его настоятельному требованию письменное обязательство не препятствовать Елене содержать свой греческий закон и не нудить ее к римскому закону, а если бы даже она захотела своею волею приступить к римскому закону, не дозволять ей того. Но вскоре надежды православных должны были поколебаться: при самом венчании Елены с Александром они увидели уже унижение и оскорбление для своей веры и Церкви. Когда Елена въехала в Вильну (15 февраля 1495 г.) и приблизилась к «русской церкви Рождества Пречистыя», здесь встретил ее, как и приличествовало, сам избранный на митрополию, или нареченный митрополит, архимандрит Макарий с православным духовенством и совершил для нее торжественное молебствие. Но когда из православного храма Елену повели в костел святого Станислава для венчания, ей предшествовал с крестом в руках

один поп Фома, приехавший с нею из Москвы, а не Макарий с духовенством. При входе в костел ее встретил бискуп с крестом, но крестом ее не благословил. При венчании молитвы для жениха читал бискуп, а для невесты поп Фома; избранный на митрополию Макарий не смел того делать по заказу великого князя, хотя был тут же. Все это не могло не огорчить православных, и в особенности отца Елены Ивана Васильевича, тем более что здесь было и нарушение данного слова со стороны Александра. Послы его, как жаловался впоследствии сам Иван Васильевич, уговорились с нашими боярами, что, когда дочь наша приедет к нему в Вильну, «ино ее венчати митрополиту, а не будет митрополита, ино владыце нашего греческого закона», но, когда наша дочь к нему приехала, он «в ту пору владыце некоторому не велел у себя в Вильне быта, а нареченному митрополиту Макарию, архимандриту троицкому, нашей дочери венчати не велел». Отпуская из Москвы послов литовских, Иван Васильевич, когда уже решился выдать свою дочь за Александра, между прочим, наказывал им: «Да молвите от нас брату и зятю нашему, чтоб он учинил, нас деля, велел нашей дочери, а своей великой княгине поставить церковь нашего греческого закона на переходах у своего дворца, у ее хором, чтоб ей близко к церкви ходить, а его бы жалованье нашей дочери нам добро слышати». Это же самое повторили от лица великого князя московского и бояре его в Вильне лично Александру по заключении брака. Но Александр отвечал: «Князья наши и паны, вся земля имеют права и записи от предков наших, и от отца нашего, и *от нас*, а в правах написано, что церковей греческого закона больше не прибавлять; так нам тех прав предков наших, и отца нашего, и наших нарушать не годится. А княгине нашей церковь греческого закона в городе есть близко; когда ее милость захочет в церковь, мы ей не возбраняем». Это еще более должно было огорчить великого князя московского и православных в Литве. Из слов своего государя они должны были понять, что им нечего ожидать от него отмены закона о несозидании православных церковей, данного отцом его и подтвержденного им самим. И сколько потом Иван Васильевич ни настаивал и чрез послов своих, и чрез дочь, чтобы Александр устроил ей домовую церковь, Александр остался непреклонным. К большому же огорчению Елены, он еще приставил к ней панов и паней и других служебных людей не греческого закона, а римского, оправдываясь пред тестем, что от того для ее греческого закона ущерба нет. К этому-то, столько прискорбному для великой княгини Елены, времени относится первая ее жертва на православный храм: в 1496 г. она купила в Троцком воеводстве у какого-то Петра Яцынича имение Жагоры и подарила виленскому Пречистенскому собору.

Мало утешительного представляли тогда и другие действия Александра по отношению к православным. Стали пред ним бояре полоцкие и мещане с Полоцким владыкою Лукою о монастыре святого Николая на Лучне; бояре показали Евангелие, в котором было записано, что монастырь тот – издавна *подаванье* великого князя. И Александр взял Николаевский монастырь на Лучне к своему подаванью, а Полоцкому владыке приказал в тот монастырь не вступаться (1496). Какой-то Григорий Попович из Киева просил у Александра себе Киево-Михайловского Златоверхого монастыря, говоря, что монастырь тот есть издавна подаванье великого князя; это же подтвердил и полоцкий наместник Пацевич. И Александр повелел держать Михайловский монастырь Поповичу до его живота с условием, чтобы он постригся в монашество (1496). Князь Иван Дашкович просил у Александра для своей матери княгини Дашковой монастыря святых праведников Иоакима и Анны в Овруче и говорил, что хотя монастырь этот отдан Александром еще прежде овручской владелице Ленковой, но последняя получила от него и другой монастырь – Пречистой. И Александр постановил: Ленковой довольно держать один монастырь Пречистой, а монастырь святых Иоакима и Анны держать княгине Дашковой до ее живота (1496). Все такие распоряжения великого князя православными обителями не могли иметь добрых последствий. Только к Смоленскому владыке Иосифу заметно было благоволение Александра: в 1497 г. он пожаловал этому владыке зна-

чительный участок земли близ Смоленска с жившими там людьми и с дозволением поселить на ней еще до ста двадцати человек, пришлых из России, и с освобождением их от подсудности светским властям и от пошлин (марта 17-го); подтвердил за владыкою право на владение Чумловскою отчиною, в которой также дозволил селить людей (марта 17-го), и присудил в пользу владыки сад Дедковский, который домогался присвоить себе один смоленский мещанин (апреля 13). На этого владыку, как вскоре обнаружилось, у короля были особые виды.

IV. Митрополит Иосиф Болгаринович: третья попытка к унии

«В лето 7006 (1498), месяца маиа в 30 день, индикта 1 вел. князь Александр литовский даде митрополию Киевскую и всея Руси Иосифу, епископу Смоленскому, с епископиею Смоленскою», – говорит современный летописец, не объясняя, когда и как совершилось предшествовавшее тому избрание Иосифа на митрополию. Мы уже знаем, что на Смоленскую кафедру он взят был из настоятелей слущкого Троицкого монастыря и что во время своего настоятельства ходил в Царьград в качестве посла от вновь избранного тогда митрополита Ионы Глезны для испрошения ему патриаршего благословения. Но кто же был Иосиф по происхождению? До последнего времени все писатели, как униатские и латинские, так и наши, единогласно признавали его за Иосифа Солтана из знатной фамилии Солтанов. Между тем из недавно открытых документов оказывается, что он был совсем другое лицо, отличное от Иосифа Солтана, и прозывался Болгаринович, происходил, верно, из благородной или шляхетской фамилии, потому что находился в близком родстве с Иваном Сапегою, бывшим тогда писарем великого князя Александра и канцлером супруги его Елены, и имел родовое имение, из которого завещал вносить ежегодно слущкой Троицкой обители, где прежде настоятельствовал, по пяти бочек ржи и по пяти бочек овса, что и исполнялось женою брата его, Агрипиною Болгаринович, еще в 1528 г.

С самого избрания своего на митрополию Иосиф Болгаринович решился действовать в пользу унии с Римом, или даже еще до избрания, так как за это именно ему и обещана была митрополия. Решаясь на такое дело, он предварительно снесся с Цареградским патриархом Нифонтом, если только признать достоверным послание к нему названного патриарха, передаваемое униатскими писателями. Послание не обширно и содержит в себе следующее: «Нифонт, Божию милостию архиепископ Константинополя, нового Рима, и Вселенский патриарх, – благочестивому и боголюбивому Иосифу, брату и сослужителю, митрополиту Киевскому и всея Руси, здравия и пр. Мы получили от твоей милости письмо, посланное к нашей мерности, в котором ты извещаешь, что епископы Римского Костела, живущие на Руси и в Литве, для вас несносны и принуждают вас к унии, установленной во Флоренции. Иначе, говоришь, вы подвергнетесь великой опасности потерять привилегии и льготы, которые дарованы вам польскими королями в то время, когда состоялась эта уния. Посему от нашей мерности просишь руки помощи и рекомендательного письма к вашему могущественному королю. Сверх того, желаешь знать о том (Флорентийском) Соборе, как он происходил, чтобы вы могли дать ответ искушающим вас и сильно вас притесняющим. Да будет же вам известно, что Собор тот был созван и утвержден торжественно, с общою радостью, в присутствии нашего светлейшего государя Иоанна Палеолога и святейшего патриарха Цареградского блаженной памяти Иосифа, который недавно был пред нами и в присутствии наместников братии нашей, патриархов, и иных архиепископов и князей, бывших представителями Восточной Церкви, а также и в присутствии Римского епископа с своими. Но некоторые из народа нашего, остававшиеся дома, не захотели принять унии и держаться ее, вероятно, из ненависти к латинянам. С тех пор у нас происходит замешательство и неурядица; вверенные нам овцы, над которыми мы имеем высшую власть, думают управлять нами, и мы не в состоянии укротить их. А кто знает, не за то ли так тяжко наказал нас Господь Бог и ныне еще наказывает, что мы не допускаем святого единения (унии)? Мы утратили всякую поддержку, и латиняне не только не высылают нам доселе никакой помощи, но и весьма нам не сочувствуют. Неудивительно, если и вам они причиняют затруднения. Впрочем, твоя милость будешь иметь немалую отговорку и извинение, когда станешь говорить, что без решения Цареградского, т. е. своего, патриарха ничего делать не можешь. Мы

же, если бы и сильно желали, решительно не можем ничего делать по тем делам, по которым от нас многое зависит. Итак, пусть не жалуются на нас, но пусть лучше, тронувшись сожалением над нашим несчастьем, молят о нас Господа Бога, чтобы мы, освободившись из неволи, вновь соединились по милости Божией. А твоя милость отнюдь не сопротивляйся им слишком, но имей с ними дружеское общение (как позволили мы и нашим священникам, живущим на островах под властью сиятельного сената венецианского, совершать собрания и молитвы с латинянами), но веру отеческую и все церковные обычаи Восточной Церкви бдительно сохраняй, ибо предки наши под тем только условием соединились с латинянами во Флоренции, чтобы все права наши оставались ненарушенными и сохранялись. Ты имеешь во всей Руси и Литве немало князей, детей духовных, которые чтут Греческую Церковь и искренно уважают нашу мерность, им мы дали наши письма и поручения, чтобы они предстательствовали за тебя пред всесветлейшим королем и защищали наше право. Лета 7005, апреля 5, индикта 11, от Рождества же Сына Божия 1497». Этого послания, или грамоты, патриарха нельзя признать подлинною, если не предположить, что в ней при напечатании ее или при переводе с подлинника допущены были некоторые неточности и ошибки. В начале грамоты Иосиф назван митрополитом Киевским и всея Руси, а в конце грамоты помечено, что она написана 5 апреля 1497 г., индикта 11. Но тогда Иосиф не был митрополитом, а святительствовал еще митрополит Макарий, скончавшийся 1 мая означенного года и индикт был не 11, а 15. Да и Нифонт едва ли был тогда патриархом; он патриаршествовал два раза: в первый раз около трех лет (1487–1490), во второй – будто бы около года (1498–1499). В самой грамоте, по-видимому, есть указания на то, когда она могла быть написана. Иосиф, как видно из грамоты, просил патриарха написать о нем рекомендательное письмо литовскому государю, и патриарх действительно послал свои письма и поручил православным князьям в Литве предстательствовать за Иосифа пред государем. Такая рекомендация и предстательство всего уместнее и нужнее для Иосифа были в то время, когда происходило его избрание на митрополию и когда он был уже избран, но еще не утвержден государем, т. е. между 1 мая 1497 г., днем кончины митрополита Макария, и 30 мая 1498 г., днем утверждения Иосифа на митрополии государем. Следовательно, грамота могла быть написана патриархом 5 апреля не 1497, а 1498 г., незадолго до утверждения Иосифа в митрополитском звании, и не 11, а 1 индикта. В то время Иосифу пред самым вступлением на должность первосвященника Литовской Церкви весьма естественно было просить у патриарха и наставлений, как смотреть на Флорентийскую унию и действовать по отношению к латинским епископам, и патриарх Нифонт, отвечая Иосифу как уже избранному на митрополию, мог из деликатности назвать его прямо митрополитом, хотя он еще не был утвержден государем. Грамота патриарха Нифонта, если признать ее подлинною, могла иметь для Иосифа весьма важное значение. Он мог на нее опираться и показывать ее православным, когда начал открыто склонять их к принятию унии, хотя патриарх в этой грамоте вовсе не уполномочивал его простираться так далеко, а советовал только не противиться слишком латинским бискупам и иметь с ними дружеское общение, но бдительно хранить отеческую веру; на требования же их относительно унии отговариваться тем, что он, Иосиф, ничего не может делать без решения Царьградского патриарха.

Открытые действия Иосифа в пользу унии начались или к концу еще того же 1498 г., или в начале следующего. Первое известие о них достигло Москвы 30 мая 1499 г. Вяземский наместник князь Оболенский писал государю, что получил письмо от находившегося при великой княгине Елене подьячего Федора Шестака, дошедшее до него, наместника, частным путем чрез несколько рук и представил государю самое это письмо. А в письме говорилось: «Здесь у нас, господине, произошла великая смута между латинами и нашим христианством. В нашего владыку Смоленского дьявол вселился (удерживая за собою по воле великого князя и Смоленскую епархию, Иосиф продолжал называться владыкою Смолен-

ским и только *нареченным* митрополитом Киевским и всея Руси), и вместе с Сапегою отметником (который, как мы уже знаем, был близким родственником Иосифу) они восстали на православную веру. Великий князь неволил государыню нашу вел. княгиню Елену в проклятую латинскую веру, но государыню нашу Бог научил, да помнила она науку государя отца своего, и она отказала мужу так: «Помнишь, что обещал ты государю отцу моему, и я без воли государя отца моего не могу того сделать; обошлось с ним, как он меня научит». Да и все наше православное христианство хотят окрестить, оттого наша Русь с Литвой в сильной вражде. Ты бы эту записку послал до государя: государь сам того не знает. Больше писать не смею; коли б было с кем на словах пересказать». Заметим, кстати, что Иван Сапега не напрасно назван здесь отметником: он еще в 1492 г., находясь в Риме, отступил от православия и принял латинство или унию с Римскою Церковью. Получив такую весть о действиях Смоленского владыки Иосифа и отметника Сапегы от лица, находившегося вблизи Елены, Иван Васильевич в тот же день (30 мая) послал в Литву боярского сына Ивана Мамонова и велел ему сказать Елене наедине: «Дошел до нас слух, что муж твой Александр нудит тебя и иных людей отступить от своего греческого закона к римскому. Ты в этом мужа своего не слушай; пострадай до крови и до смерти, но к римскому закону не приступай, чтобы от Бога душою не погибнуть, а от нас и всего православного христианства не быть в проклятии, и сраму от иных вер православию не делай. Извести нас обо всем этом, правда ли то, и мы тогда пошлем к мужу твоему, зачем он делает против своего слова и обещания». То же писала к Елене Ивановне и мать Софья Фоминишна. Но едва Мамонов отправился, как в Москву прибыл (6 июня) гонец от Александра с известием, что Елена Ивановна занемогла. И Иван Васильевич послал (10 июня) в Вильну другого боярского сына, Андрея Кутузова, чтобы он разведал подробно о болезни Елены, а также передал ей грамотки от отца и матери, в которых они снова убеждали дочь свято хранить греческую веру и тем заслуживать Божия и их родительского благословения. В августе прибыли в Москву литовские послы, маршалок Станислав Глебович и писарь Иван Сапега для переговоров по делам политическим, но и во время этих переговоров Иван Васильевич сказал послам через своих бояр: «Александр теперь дочь нашу нудит к римскому закону и тем явно показывает, что он доброго жития с нами не хочет», а отпуская послов, сам наказал им передать Александру, чтобы он не принуждал своей жены к перемене веры, если не желает «нежитья» с ним.

В начале 1500 г. получены были в Москве новые известия о покушениях Иосифа вместе с латинянами к совращению православных. «Прислал, – повествует летописец, – к вел. кн. Ивану Васильевичу бить челом князь Семен Иванович Бельский о том, чтобы пожаловал его и принял на службу с его вотчиною, а сказывал, что на них в Литве пришла великая нужда о греческом законе: посылал-де вел. кн. Александр к своей вел. кн. Елене *отметника* православной веры Иосифа, владыку Смоленского, да *бискупа своего Виленского, и чернецов бернардинов*, чтобы приступила к римскому закону, да и к князьям русским посылал, и к виленским горожанам, и ко всей Руси, которые держат греческий закон, и нудят их приступить к закону римскому». Иван Васильевич принял к себе на службу князя Бельского, прибывшего в Москву 12 апреля, и тогда же послал боярского сына Дмитрия Загряжского сказать Александру: «В докончальных грамотах записано, чтоб нам князей служебных с отчинами не принимать на обе стороны, но когда всем православным в Литве пришла такая нужда о греческом законе, которой наперед от твоего отца и предков не бывало, то мы ради той нужды приняли князя Семена в службу с отчиною – то бы тебе было ведомо, и ты бы в отчину нашего слуги не вступался и людям его обиды и силы не делал». Вслед за Бельским в том же месяце апреле били челом московскому государю и были приняты им князья Семен Иванович Можайский и Василий Иванович Шемяка с богатыми волостями: первый с Черниговом, Стародубом, Гомелем, Любечем; последний с Рыльском и Новгородом Северским и менее значительные князья – Трубчевские, Мосальские, Хотетовские и другие, – все они

жаловались, что пришла на них в Литве нужда о греческом законе. Литовский великий князь Александр прислал (23 апреля) в Москву своих послов и говорил через них своему тестю: «Бельский тебе не умел правды поведать; он лихой человек и наш изменник, мы его уже три года и в глаза не видали. У нас, по милости Божией, в Литовском великом княжестве много князей и панов греческого закона, получше того изменника, а никого и никогда силою и нуждою ни предки наши, ни отец, ни мы к римскому закону не приводили и не приводим. Так ты бы, брат наш, держал крестное целование, данное нам, а Бельского и других наших изменников нам выдал». На это Иван Васильевич отвечал послам: «Как же он не нудит к римскому закону, когда к нашей дочери, да и к князьям, и панам русским, и ко всей Руси посылает, чтоб приступили к римскому закону? А ныне учинил еще новое насилие Руси, какого прежде при его отце и предках не бывало: сколько повелел он поставить *божниц* римского закона в *русских городах* – Полоцке и других! Да *жен* от мужей отнимают, *детей* от родителей и *силою скрещивают* в римский закон – так-то ли он не нудит Руси к римскому закону?.. Про Бельского же ведомо допозна про то дело, что он, не желая быть отступником от греческого закона и потерять своей головы, перешел служить к нам с своею отчиною, – в чем же тут его измена?» Вслед за тем Иван Васильевич отправил в Вильну своего гонца, Ивана Телешова, уведомить Александра о принятии в московскую службу князей Можайского и Шемячича ради притеснений их в вере, и Александр вновь уверял, что никакого притеснения не было, что не посылал к ним ни бискупа Виленского Войтеха, ни нареченного митрополита Киевского и всея Руси владыку Смоленского Иосифа, что князья эти – изменники и пр. Вместе с Телешовым послал Иван Васильевич к Александру Афанасия Вязмитина с складною грамотою, т. е. с объявлением войны. В грамоте было сказано: «Вел. князь Александр по докончанью не правит, вел. княгиню Елену, князей и панов русских к римскому закону нудит, поэтому вел. кн. Иван Васильевич складывает с себя крестное целование и за христианство хочет стоять, сколько Бог ему поможет». Война действительно началась: 3 мая выступила из Москвы в Литовскую землю первая рать под начальством Якова Захарьевича и взяла города Брянск – причем взят был и владыка Брянский и отправлен в Москву – и Путивль; другая рать с воеводою Юрием Захарьевичем направилась к Дорогобужу и завладела им; на помощь Юрию выслана была еще третья рать – сила тверская под начальством князя Даниила Щени. Все эти воеводы московские встретились с литовским войском, бывшим под начальством великого гетмана князя Константина Ивановича Острожского, на Митьковом поле, у реки Ведроши 14 июля и одержали совершенную победу; сам князь Острожский и множество других вождей и панов взяты в плен и отправлены в Москву. Радость в Москве была великая.

Между тем как происходили все эти сношения великих князей, московского и литовского, окончившиеся войною, в Вильне подготавливалось и совершилось мирное церковное торжество. Прибыл из Царьграда от патриарха Иоакима (1499–1504) посол, крестonosец Авраамий, и в 10-й день мая 1500 г., с благословения патриарха, поставили митрополитом Киевским и всея Руси Иосифа, епископа Смоленского, литовские епископы: Лука Полоцкий, Кирилл Луцкий и Вассиан Туровский – таким образом, обещание великого князя Александра, данное Иосифу за его ревность к унии, окончательно исполнилось. После того Иосиф решился сделать дальнейший шаг к избранной им цели: 20 августа он написал грамоту к папе Александру VI, без сомнения, по совету Виленского епископа Альберта Войтеха и с соизволения великого князя, которые и с своей стороны написали о том же к папе. При чтении грамоты Иосифа нельзя не чувствовать, что он имел под руками подобную же грамоту митрополита Мисаила, писанную в 1476 г. к папе Сиксту IV, потому что не только повторяет из нее мысли, но некоторые выражает даже теми же словами и оборотами речи, хотя вообще грамота Иосифа несравненно короче. Прежде всего он изображает, весьма подробно и многословно, величие папы; называет его единственным светильником всего мира и Церкви, достойнейшим викарием Христа; прилагает к папе (как мы видели и

в Мисаиловой грамоте) сказанное святым апостолом о Христе: *Таков нам подобаше архиерей... безсквернен, отлучен от грешник* (Евр. 7. 26); говорит (по примеру той же грамоты), что папа – второй Моисей, славнее и выше Аарона и Самуила, Давида и Соломона и что никакое слово человеческое не может достойно восхвалить и прославить его и т. д. Затем продолжает: «Я верую и исповедую, что ты пастырь всех верующих и глава Вселенской Церкви и всех св. отцов и патриархов. Пред тобою мы смиренно склоняем главы наши со всею покорностию доброй воли, не по принуждению или необходимости, но по усердию веры и сердечной любви; желаем от твоей святыни святейшего благословения, потому что тебе преданы ключи Царства Небесного и власть вязать и решить. Посему отныне мы молим твою святыню (из Мисаиловой грамоты): будь милостив к нам, живущим далече в северных странах, где области России под обрядом и уставом Восточной Церкви, содержащим св. семь Вселенских Соборов, а с ними также и осмой, Флорентийский... Мы веруем во единого Бога Отца, Вседержителя... и во единого Господа Иисуса Христа... по Никейскому Символу. Веруем и в Духа Святого, исходящего от Бога Отца, также (*similiter*) и от Сына единым духовением... О прочем, – заключает митрополит, – мы не пишем твоей святыне, а поручаем пересказать нашему сыну, и брату, и родственнику Ивану Сапеге, от которого и просим выслушать все наши просьбы. Мы уверены, повергаясь пред тобою на землю и целуя ноги твои, что ты исполнишь желание сердца нашего, утетишь нас, пребывающих в скорби, и не отвергнешь прибегающего под твое покровительство». Папа, однако ж, не удостоил Иосифа своего ответа и только чрез восемь месяцев написал – сперва (28 апреля 1501 г.) к Виленскому епископу Альберту Войтеху, а потом (7 мая) и к великому князю Александру.

«Великую радость, – начинает папа свою грамоту к епископу, – принесло мне твое письмо, в котором ты извещаешь о твоей пламенной ревности и крайнем усердии в приведении к единству Римской Церкви народов, обитающих в великом княжестве Литовском и особенно в митрополии Киевской и всея России (а великий князь Александр и его послы постоянно уверяли московского государя, будто Войтех никого из православных не обращал!), и говоришь, что лучшего случая к тому не может быть, как настоящий, когда сам Иоанн – Иосиф, признаваемый киевлянами и всеми русскими за пастыря и вождя, предложил тебе готовность покориться Римской Церкви и, насколько достанет сил, привести к ней и других из названных народов по смыслу Флорентийского Собора, о чем он отнесся и к нам чрез свое письмо и посла. Посему просишь, чтобы мы выслушали посла Ивана Сапегу и дали тебе ответ, как поступать в этом деле». В ответе своем, восхваляя ревность епископа по вере, папа говорит, что хотя он верит искреннему желанию Иоанна – Иосифа покориться Римской Церкви и весьма желал бы, чтобы с ним покорились и другие, но, зная непостоянство дел человеческих и как много в мире соблазнов, считает нужным соблюдать большую осторожность и потому посылает книгу определений Флорентийского Собора, чтобы епископ внимательно обследовал, под каким условием Иосиф и другие русские желают покориться Римской Церкви и как понимают они и исповедуют эти определения. «Мы получили, – продолжает папа, – известие, что они ни в Символе веры, ни при совершении церковных служб вовсе не исповедуют исхождения Св. Духа и от Сына. Нам также донесено, что таинство Евхаристии они совершают на квасном хлебе под формою незаконною и недостойною и для преложения в Кровь употребляют не вино, а другую жидкость и, смешав оба вида – Тела и Крови, под обоими приобщают даже младенцев. Мы слышали, что они не согласны с Собором Флорентийским относительно очистительного огня в чистилище и молитв за умерших. Мы узнали еще, будто названные народы дерзко отвергают, что апостол Петр получил от Господа первенство над всею Церковью и власть вязать и решить и что Римский первосвященник есть преемник ап. Петра, викарий Христа, глава Церкви. Надобно, наконец, внимательно рассмотреть, как совершают они таинства, под какую форму и материю, чрез каких священнослужителей и не отвращаются ли они пользующихся таинствами по обряду Римской

Церкви, не удаляют ли их из своих церквей, не избегают ли общения с ними». Переходя к просьбам, выраженным послом митрополита Иосифа Иваном Сапегаю, папа пишет: «Сапега просил нас, чтобы мы рекомендовали Иосифа нашему сыну, князю литовскому Александру, как истинного архиепископа-митрополита и примаса по обряду греческому и предоставили ему власть раздавать индульгенции и грекам, и латинянам, присутствующим при его богослужении. Мы охотно исполнили бы желание Иосифа, если бы были убеждены, что он от искреннего сердца обращается к нашей вере. Кроме того, известно, что Цареградский патриарх, под властью которого состоит Киевский митрополит, вот уже пятьдесят лет проживает при Римской Церкви (разумеется, патриарх униатский), и мы не знаем, как мог Иосиф без его и моего согласия достигнуть Киевской митрополии. А потому не иначе можем исполнить его просьбу как, если он, отвергшись от поставления, или посвящения, на означенную митрополию, полученного им отынуды (т. е. от православного Цареградского патриарха), примет поставление от нас и апостольского престола. Просил также нас Сапега, чтобы крещенных по обряду греческому не перекрещивать, когда они соединяются с Римскою Церковью; эту просьбу мы постараемся исполнить, когда объяснят нам, под какую форму и чрез каких священнослужителей они были крещены. Еще просил Сапега о разрешении строить каменные церкви греческого обряда (значит, запрещение строить эти церкви дано было не без соизволения папы) и о том, чтобы допускались в общение с Римскою Церковью желающие держаться греческого обряда; когда мы удостоверимся, что они хранят определения Флорентийского Собора и ни в совершении таинств, ни в членах веры не разнятся с Римскою Церковью, тогда – пусть знают – мы с любовью примем их в лоно Римской Церкви». Под конец своего письма папа наказывал епископу Войтеху убеждать Иосифа и других с ним, чтобы они обратились к Римской Церкви, последуя своим отцам, бывшим на Флорентийском Соборе, и поручал собрать возможно точные сведения, в чем разнятся русские обряды от латинских, и доставить в Рим.

В послании к великому князю литовскому Александру папа извещает князя, что получил его рекомендательное письмо об Иосифе, митрополите Киевском, и что также и посол его, князь, Вителлий, и посол самого Иосифа Сапега весьма хвалят его как способного привести вверенный ему народ к покорности Римской Церкви по определению Флорентийского Собора. Но, имея в виду, продолжает папа, что «такого рода приведение по определению названного Собора *столь часто предпринималось и столько раз прерывалось* (saepius tentata et toties Interrupta existit – вот свидетельство самого папы о том, что доселе у нас были только попытки к унии, оканчивавшиеся ничем, а самой унии еще не было!), мы, дабы не поступить легкомысленно, хотели послать к тебе нашего нунция, который бы порассудил с тобою об этом деле. Посол твой, однако ж, упросил нас помедлить посылкою нунция, чтобы чрез нее не вооружить против тебя московского князя, и мы отлагаем ее, пока ты не известишь нас о более удобном к тому времени. А теперь поручаем тебе передать Иосифу и другим с ним, что желание их обратиться к нашей Церкви нам весьма приятно и мы молим Бога о сохранении в них этого желания, пока не откроется возможность его исполнить. О том же, чтобы утвердить Иосифа в его достоинстве, даровать ему право раздачи индульгенций и *разрешить строение русских каменных церквей*, благовременно будет подумать тогда, когда мы ясно уразумеем, как он поставлен. Ныне нет *иного Цареградского патриарха*, кроме достопочтенного брата нашего Иоанна, епископа Портуенского, кардинала Св. Ангела, и мы не знаем, каким образом нам и святейшему престолу признать поставление на митрополию, совершенное *еретиком* Иоакимом, который возведен на Цареградскую кафедру святоотечественною рукою турецкого тирана (вот как смотрели папы на православных патриархов, живших в Царьграде!). Впрочем, если Иосиф согласен принять определения Флорентийского Собора, признать и другие Вселенские Соборы и не разниться ни в чем от католической веры, удерживая только греческую обрядность, дозволенную Церковью на Вселенских

Соборах; если он обещает и будет содействовать, чтобы и весь русский народ принял Флорентийский Собор и отрекся от своих заблуждений, осужденных Вселенскими Соборами, тогда мы простим Иосифу прежние его согрешения и утвердим его или сами, или чрез Цареградского патриарха Иоанна в митрополитском достоинстве. Когда он и другие с ним примут все члены – об исхождении Св. Духа и от Сына, о приматстве папы, о чистилище, о наградах и наказаниях по смерти, мы дозволим тогда и не перекрещивать крещенных в третьем лице по обряду греческому, и совершать Евхаристию на квасном хлебе, и под обоими видами преподавать ее мирянам, и священникам греческим иметь своих жен. Все это передай Иосифу и обсуди с Виленским епископом и свои соображения сообщи нам, чтобы мы или прислали нунция, или поручили Виленскому епископу совершить полное присоединение Иосифа и других с ним».

Вслед за посланиями о митрополите Иосифе слал папа в Литву свои грамоты и о великой княгине Елене. В грамоте к великому князю Александру (8 июля 1501 г.), восхваляя его ревность и старание об обращении русских от схизмы к римской вере (а пред государем московским Александр отвергал это!), папа пишет: «По словам посла твоего, ты дал клятву своему тестю никогда не принуждать Елену к римской вере и даже, если бы она сама захотела, не позволять того, и ты уже пять лет честно исполняешь обещание, сам не принуждая жены, но другие, светские и духовные, сколько ни убеждают ее (и это отвергал Александр пред московским государем!), она остается непреклонною. Поэтому ты спрашиваешь нашего совета, что тебе делать. Мы хотим и обязываем тебя, чтобы ты, несмотря на данные обещания и клятвы, от которых тебя освобождаем, позаботился еще побудить свою жену к принятию римской веры. Если же Елена опять не согласится, то мы поручаем Виленскому епископу, чтобы он убеждал ее и в случае нужды принуждал мерами церковного исправления и другими законными средствами, а если и затем останется непреклонною, то отлучил бы ее от сожителства с тобою и совершенно удалил от тебя». Виленскому епископу Войтеху действительно тогда же (8 июля) послана была от папы особая грамота с полномочием убеждать Елену и, когда не покорится, совершенно отлучить ее от мужа, удалить из его дома и все ее имущество объявить конфискованным. Такую же грамоту чрез несколько месяцев (26 ноября) послал папа и к кардиналу Польши Фридриху (это был родной *брат* великого князя Александра литовского, архиепископ Краковский), поручая ему в случае непреклонности Елены объявить ей, что с нею будет поступлено по форме церковного суда и она будет наказана, сколько заслуживает ее упорство в заблуждениях.

Тогда же принимаемы были меры для привлечения и вообще православных к покорности римскому престолу. В Вильне существовал уже с 1468 г. монастырь бернардинов, которые и трудились теперь в деле латинской пропаганды между русскими. Великому князю Александру захотелось еще основать в Вильне дом, или монастырь, для монахов доминиканского ордена, занимавшихся преимущественно проповедью католицизма и потому носивших имя проповедников (*praedicatores*), чтобы они направили свою проповедь против местных схизматиков и еретиков и обращали их в латинство. Папа разрешил это (9 июля 1501 г.), и монастырь доминиканский действительно был основан в Вильне при церкви Святого Духа, бывшей приходскою, и получил разные угодья. Войтех, епископ Виленский, выпросил себе у великого князя Александра право *светского меча* (*gladii secularis*), для того будто бы, чтобы пользоваться им в защиту себя, своего духовенства и своих церковных имений от нападений и обид со стороны иноверцев – татар, армян, русских схизматиков и других, но, разумеется, и для того, чтобы побуждать их к принятию латинства. Папа утвердил (9 июля 1501 г.) за епископом это право светского меча. В 10-й день сентября того же года издан папою декрет и относительно крещения православных. Получив известие, говорилось в декрете, что *некоторые* русские великого княжества Литовского, живущие в областях Виленской, Киевской, Луцкой, Жмудской и других местах, желали бы отказаться от своих греческих заблуждений

и принять католичество, но не хотят вновь креститься, папа на основании Флорентийского Собора объявляет не перекрещивать никого из крещенных и по греческому обряду в третьем лице (*крещается* раб Божий...) и не возбранять им держаться своей церковной обрядности, если только они наперед отрекутся от всех своих заблуждений и обрядов, несогласных с Римскою Церковию и ее обрядом.

Сколько, однако ж, ни заботились и сам папа, и ревнители папства о насаждении унии в Литве, чего ни придумывали и ни предпринимали, их намерениям в настоящий раз не суждено было осуществиться. Главное лицо, на которое преимущественно рассчитывали в этом деле, митрополит Иосиф, скоро скончался. По словам русской летописи, «на него Бог посла недуг – разслабу, и поставлен бысть на митрополию в том недуге, нездрав, и едино лето быв в том сану, и изменися живота», так что кончину его следует относить или к половине, или не далее последних месяцев 1501 г. Великая княгиня Елена, пример которой в случае измены ее православию мог бы оказать огромное влияние на всех православных в Литве, оставалась непоколебимою и, несмотря на то, не была удаляема от своего мужа вопреки приказанию папы. Она находилась при муже и в Кракове, столице Польши, после того как Александр среди величайшего торжества был коронован (1 декабря 1501 г.) на польский престол родным своим братом кардиналом Фридрихом, Краковским архиепископом, и даже пользовалась православным богослужением, отправлявшимся для нее в палатах короля, хотя и не удостоена чести быть коронованною вместе с мужем потому именно, что «упорно держалась веры греческой и не подавала никакой надежды на лучшее, а от уставов Римской Церкви совершенно отвращалась». Этого мало: прежде (в ноябре 1497 г.) Елена жаловалась отцу, что муж, несмотря на ее просьбы, не дает ей никаких волостей, которые были за прежними литовскими великими княгинями, ссылаясь на то, что отец ее позабрал у него много городов и волостей; теперь, именно в 1501 г., Александр пожаловал своей жене первые имения в Могилевской области: Княжиче, Смольняны и другие. О употреблении же строгих мер против Елены, какие предписывал папа Виленскому епископу Войтеху и Краковскому архиепископу Фридриху, конечно, и не думали. Отца ее в Литве теперь очень боялись и не только не хотели раздражать более, а старались как бы предрасположить в свою пользу. Уже после первой, т. е. Ведрошской, победы московских войск над литовскими Александр начал помышлять о примирении с своим тестем и с этою целию обратился к родным своим братьям: Владиславу, королю венгерскому, и Альбрехту, королю польскому, прося их помощи и посредничества. Любопытны слова литовского посла, какими убеждал он венгерского короля от имени Александра: «Ваша королевская милость должны подать помощь нашему государю не только по кровному родству, но и ради св. веры христианской, которая насаждена и утверждена в Литовской земле трудами деда вашего короля Владислава – Ягайла. С тех пор и донныне Русь покушается исказить и искоренить ее – не только Москва, но и некоторые паны из подданных нашего государя, восставали они против отца вашего Казимира, и не ради чего-либо другого, а ради св. веры; потому же восстали они теперь и против вас, сыновей его. Некоторых из них государь наш казнил, а другие убежали к московскому князю, который вместе с ними и объявил нам войну, ссылаясь на то, будто бы у нас, по дошедшим до него слухам, некоторые князья и другие подданные русской веры были принуждены к римской вере». Таким образом, выходит, что со времен Ягайлы в Литве не русских теснили за православную веру, не ее хотели искоренить, а напротив, сами русские покушались искоренить латинскую веру и для того восстали против Казимира и Александра! В январе 1501 г. действительно прибыли в Москву послы от королей венгерского и польского с ходатайством о мире. Иван Васильевич сказал им, что и сам не рад войне с зятем, что ее вызвали притеснения за веру его дочери Елене и вообще православным в Литве, которых вздумали насильно обращать к латинству, и изъявил готовность к начатию мирных переговоров. А литовскому послу Нарбуту, тогда же прибывшему и вздумавшему, по обычаю, отвер-

гать действительность этих притеснений, Иоанн отвечал подробным их перечислением и напомнил, как еще вначале, когда приехала в Литву Елена, Александр не позволил венчать ее нареченному митрополиту Киевскому Макарию и никому из православных владык, не устроил для нее придворного храма, приставил к ней панов и паней римского закона, а всех прибывших с нею бояр и боярынь отослал назад, оставшихся при ней людей от нее удалил, и если она брала к себе какую-либо княжескую или боярскую дочь греческого закона, то приказывал насильно перекрещивать ее в латинство; затем напомнил, как посылал Александр к Елене отметника – владыку Смоленского, да бискупа Виленского, и бернардинов, а также и ко всем русским, князьям, боярам, жителям Вильны и прочим для совращения их к латинству; понастроил множество божниц римских в Полоцке и других русских городах и приказывал отнимать жен от мужей, детей от отцов и скрещивать их в римскую веру. «А что ты говоришь, – прибавил Иван Васильевич, – будто Александр не нудил нашей дочери и других русских к римскому закону, то ведь это делалось не тайно, а явно, и ведомо то и в наших землях, и всей вашей Руси, и латынам, что он посылал к нашей дочери и ко всей Руси Смоленского владыку, и бискупа, и чернецов бернардинов. Да и ваши люди, которые у нас в плену (после Ведрошской победы), сказывают то же». Впрочем, и литовскому послу, отпуская его, московский государь выразил свою готовность к мирным переговорам и согласие принять послов, которых желал прислать для того в Москву Александр. Но обещанных послов Александр не высылал, и Иван Васильевич после долгих напрасных ожиданий решил продолжать войну. В ноябре 1501 г. московские войска пошли к Мстиславлю, перебили здесь до семи тысяч литовского войска, опустошили всю землю и со множеством пленных возвратились в Москву, а в июле 1502 г. сын великого князя Ивана Васильевича Димитрий отправился с ратью к Смоленску и хотя не мог взять Смоленска, но взял город Оршу и затем произвел страшные опустошения в краях между Сожью и Днепром, между Днепром и Двиной, даже до Березины, выжег посад у Витебска и угрожал Полоцку. Тогда Александр сознал свое бессилие противиться своему могущественному тестю и начал снова искать примирения с ним. В самом начале 1503 г. прибыл в Москву посол от папы и короля венгерского, от того самого папы Александра VI, который писал столько посланий в Литву для совращения православных к латинству и был, хотя и отдаленною, причиною происходившей теперь войны. Посол (Сигизмунд Сантай) ходатайствовал именем папы, чтобы Иоанн примирился с своим зятем и вместе с ним и другими государями Европы вооружился против турок. Иван Васильевич отвечал, что виновником войны – сам Александр, который вздумал принуждать свою жену и вообще русских к латинству, посылал к ним для того отметника Иосифа митрополита, Виленского бискупа и бернардинов и пр., что против неверных москвичи всегда стояли и хотят стоять и что для примирения с Александром в Москве согласны принять его послов. В марте действительно приехали послы от Александра, польские и литовские, и после долгих переговоров хотя не успели заключить вечного мира с Московским государством, но заключили перемирие на шесть лет (от 25 марта 1503 г. до 25 марта 1509 г.). Нам нет нужды излагать, как происходили эти переговоры; остановимся лишь на том, что говорилось тогда относительно православной веры и принуждения Елены и других православных к латинству в Литве.

Отпуская своих послов в Москву для переговоров о мире, Александр дал им наказ: 1) если заговорят о построении церкви на сенях для королевы Елены и о княгинях, паньях и других для нее слугах греческого закона, то отвечать, что такого условия не было между нами при заключении брака; впрочем, княгинь и вообще слуг для себя Елена избирает без различия из лиц и греческого закона и латинского, кого сама признает более к тому годными. 2) Если московский государь упомянет о принуждении королевы к римскому закону, отвечать, что мы никаким образом ее к тому не принуждаем, но папа присылал к нам свои грамоты о приведении ее к покорности Римскому Костелу, много раз совещался с кардиналами

и положил, что для этого не нужно вновь крестить королевы и всей Руси; пусть только покорятся апостольскому престолу согласно с Флорентийским Собором, а жить могут по обычаю греческому и иметь греческих священников. 3) Если скажут, что король принуждает Русь к римскому закону и строит римские церкви в русских городах, отвечать, что король держит своих подданных, как держал его отец Казимир: кто в каком законе хочет жить, тот в том и живет, и церкви кто какие хочет, такие и строит, русские ли или римские. Прежде Руси не дозволено было строить церквей, а теперь король допустил им то. Король не вмешивается, как московский держит своих подданных в вере: не следовало бы, кажется, и московскому вмешиваться, как держит король своих подданных. В числе литовских послов находился и канцлер королевы Елены наместник брянславский Иван Сапега. Он привез ее письма к отцу, матери и братьям. В письме к отцу она убеждала и умоляла его прекратить кровопролитие и примириться с Александром и, между прочим, говорила: «Муж мой всегда держал и держит меня в чести, в жалованьи и в любви, как надлежит доброму мужу; он дает мне волю держаться своей веры и греческого обычая, ходить по св. церквам, иметь на своем дворе священников, диаконов и певцов, дозволил совершать для меня литургию и другие службы по уставу как здесь, в Литовской земле, так и в Короне Польской, в Кракове и по всем польским городам; везде мне полная свобода служить Господу Богу по обычаю и уставу св. Греческой Церкви... Государь мой король, его мать, братья, паны и вся земля надеялись, что со мною из Москвы пришло в Литву все доброе: вечный мир, кровная любовь, дружба, помощь на поганых, а теперь видят все, что со мною все лихо к ним пришло: война, рать, взятие и сожжение городов и волостей, пролитие христианской крови, плен, плач, вопль... Вся вселенная не на кого другого, только на меня вопиет, что кровопролитие случилось от моего в Литву прихода, будто я к тебе пишу, привожу тебя на войну... Сжался над своею дочерью, возьми по-старому любовь и дружбу с братом и зятем своим, тогда ты не только мне учинил бы веселие, но и церквам Божиим благосостояние, и святителям греческого закона мирное совокупление, и всем людям греческого и латинского закона радость, и мне великое в греческой вере подтверждение». Послы Александра, исполняя его наказ, сказали Ивану Васильевичу: «Государь наш король не принуждал и не принуждает твоей дочери ничем к римскому закону, но, когда он был еще на великом княжестве в Литве, папа присылал к нему, чтобы он велел своей княгине быть послушной папе и ходить к римскому костелу, а государь наш своей княгине о том ни слова не говаривал. Когда же взяли его на Польское королевство, папа опять прислал, чтобы государь наш велел своей королеве быть в послушании папе и ходить к римскому костелу, но на это государь еще не дал ответа папскому послу... Папа, впрочем, не того хочет, чтобы она оставила свой греческий закон и приступила к римскому, а лишь того, чтобы она сделалась послушною ему и была в *соединении* (унии) по Флорентийскому Собору». В частности, канцлер Елены Иван Сапега (который, верно, был человек двуличный, потому что прежде вместе с родственником своим, митрополитом Иосифом, действовал против Елены в пользу унии, а теперь говорит, по-видимому, в пользу Елены) передал Ивану Васильевичу, что она «в законе греческом непоколебима и от мужа ей принуждения в том мало, а много ей укоризн за греческий закон от Краковского архиепископа Фридриха (брата короля Александра), и от Виленского бискупа, и от панов литовских, которые говорят ей, будто она не крещена и другие неподобные речи; они-то возбуждали и папу писать к Александру, чтобы он привел ее к покорности Римской Церкви». Еще передавал Сапега, что, пока муж Елены жив и здоров, она не ожидает себе никакого принуждения в греческом законе, но, когда мужа в животе не станет, она опасается, как бы тогда архиепископ, и бискупы, и паны не учинили ей принуждения, и потому просит отца, чтобы он потребовал от ее мужа новой утвердительной грамоты о греческом законе да чтобы к той грамоте кроме короля приложили свои печати Краковский архиепископ и Виленский епископ. Сам Иван Васильевич и чрез канцлера Елены Сапегу, и в письме к ней, посланном с Сапегою, и чрез

послов своих, отправлявшихся с договорною грамотою к Александру, подробно объяснял своей дочери, что она несправедливо утверждает, будто Александр не делал ей и всем русским притеснения в греческом законе, и что ей несправедливо говорят: «Мы надеялись, что с тобою в Литву из Москвы пришло всякое добро, вечный мир и любовь, а с тобою пришло всякое лихо». «Нет, дочка, – писал отец, – то дело сталося не тобою, а неисправлением твоего мужа... я чаял, что как ты к нему придешь, то тобою всей Руси и греческому закону скрепление будет, а он, как ты пришла к нему, начал нудить тебя, да с тобою и всю Русь, к римскому закону». Всего же более Иоанн убеждал свою дочь, чтобы она помнила Бога и свое родство, стояла твердо в греческом законе и пострадала за него даже до крови, если бы пришлось, а к римскому закону не приступала, папе не покорялась и не делала бесчестия своему роду, укоризны своему закону. «Но если, дочка, поползнешься, – прибавлял великий князь, – и приступишь к римскому закону своею ли волею или неволею, то от Бога погибнешь душою, от нас в неблагословении будешь, а зятю своему мы того не спустим: *у нас с ним будет беспрестанная рать*». По утверждении договорной грамоты, отпуская литовских и польских послов, Иван Васильевич наказывал им: «Скажите от нас брату нашему и зятю, чтобы он нашей дочери к римскому закону не нудил ничем и держал ее, как дал нам о ней свою грамоту... А если начнет он нудить нашу дочь к римскому закону, то да будет ему ведомо, мы того ему не спустим и *будем стоять за то, сколько нам Бог пособит*». То же повторил московский государь и самому Александру чрез своих послов, ходивших к нему с договорною грамотою о заключенном перемирии, и еще потребовал от него новой утвердительной грамоты о непринуждении Елены к римскому закону не только за его королевскою печатью, но и за печатями Краковского архиепископа и Виленского бискупа, хотя и неизвестно, дал ли Александр такую грамоту.

После всего этого можно догадываться, какое значение должно было иметь для Западнорусской Церкви заключенное теперь перемирие между Иоанном III и Александром. В Литве опытно теперь убедились, как велико могущество московского государя и как грозно стоит он за греческую веру, за православие своей дочери и других русских литовцев, и не могли не понять, что он непременно исполнит свои угрозы, если притеснения православным в Литве не прекратятся или возобновятся. А затем неизбежно должны были прийти к сознанию, что надобно изменить церковную политику и оставить все затеи о насильственном насаждении и утверждении Флорентийской унии между литовскою Русью. Со времени настоящего перемирия, действительно, эта политика в Литве значительно изменилась, и для Западнорусской Церкви настал иной, сравнительно лучший период жизни.

Но обратимся к другим делам, совершившимся в этой Церкви при митрополите Иосифе Болгариниче или, вернее, с кончины предместника его Макария (1 мая 1497 г.) до заключения перемирия между московским государем и литовским (25 марта 1503 г.). К концу XV в. положено начало Супрасльскому, впоследствии знаменитому, монастырю. Основателем его был великий маршал княжества Литовского Александр Иванович Ходкевич, исповедовавший православную веру, а первым игуменом – священноинок Пафнутий. Первоначально монашествовавшие поселились было в имении Ходкевича Гродек (ныне местечко), тогда лесистом и пустынным, недалеко от истоков реки Супрасли, в 35 верстах от Белостока. Но как Ходкевич вскоре построил там укрепленный замок для жительства своего и своих слуг и место сделалось людным и шумным, то по просьбе иноков он дозволил им переселиться на другое место в его имении под названием «Груд сухой», находившееся ниже, на берегу той же реки Супрасли, в лесной пуще, в 16 верстах от Белостока. Здесь-то в 1500 г., по словам местной записи, «дозволением вельможнаго пана Ходкевича» и «начаясь съзидати сии монастырь верою и любовию, желанием и трудом многогрешнаго священноинока игумена Пафнотия, родом из Бельска, и первые сооружися церковь невелика во имя св. Иоанна Богослова и святися *нареченным* митрополитом Иосифом (следовательно, до 10 мая, когда он

уже посвящен в митрополита), и трапеза на прихождение братьев». Таким образом вопреки существовавшему запрещению вновь сооружена в 1500 г. православная, хотя и небольшая, церковь и даже освящена самим митрополитом – знак, что или православные паны вроде Ходкевича вовсе не уважали этого запретительного закона в своих имениях, или сам великий князь Александр по ходатайству таких лиц, как Ходкевич, разрешал то, чего не хотел разрешить для своей супруги Елены по настояниям московского государя.

Великий князь Александр не переставал давать грамоты православным церквам, монастырям и епископам. В 1497 г. (6 сентября) он пожаловал грамоту киевскому Пустынно-Николаевскому монастырю на выморочную пашенную землю на реке Борщовне. В 1498 г. (5 марта) подтвердил грамоту своих предков и отца трокскому монастырю Рождества Пресвятой Богородицы, основанному еще при Витовте его супругою Иулианиею, чтобы не вступались в монастырь этот ни митрополит, ни другие владыки, ни их наместники и не брали с него никаких пошлин и чтобы монастырь знал во всем только самого великого князя, как его подаванье. В 1498 г. (6 октября) дозволил Смоленскому владыке Иосифу, нареченному митрополиту, купить населенное имение Ярковичи с условием, однако ж, чтобы оно не причислялось к церковным вотчинам и с него отправляема была великому князю земская служба. В 1499 г. подтвердил грамоту Брянского и Черниговского владыки Нектария, предоставившего *своему боярину* Григорию держать одно церковное сельцо с угодьями, чтобы он служил за то Брянским владыкам. В 1500 г. в уставной грамоте городу Полоцку определил, чтобы и живущие там люди владычные, монастырские и поповские ведались по магдебургскому праву и вместе со всеми горожанами платили серебщизну (подать серебром) великому князю.

Более замечательны две грамоты Александра, данные им в ограждение духовенства виленского и полоцкого соборного от их епархиальных владык. По смерти митрополита Макария все священники Вильны жаловались на него великому князю, что он, митрополит, ввел у них многие новины, и именно: а) начал брать с них *сборные куницы* непомерно, а при прежних митрополитах брали с них только по двадцати грошей за куницу; б) *подъездное* начал брать с них за каждый приезд свой в Вильну, и также не по мере, а издавна митрополит приезжал к ним только однажды в год и брал с них подъездное по золотому да по бочке меду; в) начал брать себе половину того, что записывали христиане в соборную церковь на поминовение своих родителей, а при прежних митрополитах все то шло на священников; г) брал на себя часть и из денег, которые платились за молебны священникам в той же церкви и которые при прежних митрополитах сполна шли на одних священников; д) дал от себя наместничество архимандриту Троицкого монастыря, а при прежних митрополитах они, крылошане, держивали наместничество, и е) между тем как прежде, если кто желал быть погребенным в соборной церкви, митрополиты брали себе только плату за место для могилы, а чем прикрывался гроб, камкою ли или сукном, то все шло на священников, Макарий и отсюда начал брать себе половину. Священники – «попы соборной церкви» – просили великого князя, чтобы он отменил все перечисленные новины. И Александр своею грамотою (5 февраля 1498 г.) действительно отменил новины и утвердил все по-старому. Нельзя здесь не остановить внимания на том, что, как показывает эта грамота, и в Западной нашей митрополии главные пошлины с духовенства архиереям были те же самые, что и в митрополии Московской: *сборное и подъезд*, что Западные наши митрополиты постоянно не жили в Вильне, а приезжали в нее обыкновенно только однажды в год и что в состав архиерейского *крылоса*, существовавшего при виленском кафедральном соборе, входили все священники виленских приходских церквей, которые и совершали в нем по очереди священнослужения, участвовали в его церковных доходах и назывались *крылошанами* и попами соборной церкви, как это было и в других епархиях. Полоцкий епископ Лука принес жалобу великому князю на полоцких бояр, войта, бурмистров, радцев и всех горожан, что они несправедливо отняли у него три села и людей церковных, которых издавна держали в своем вла-

дении Полоцкие владыки. Бояре, войт и горожане отвечали пред великим князем, что те села и людей дал князь Скиригайло на церковь Божию святой Софии (полоцкий кафедральный Софийский собор) крылошанам и велел тем людям платить дань софийским крылошанам и работать на собор, крыть его, огораживать, а владыки Полоцкие отняли те села и людей у своих крылошан. Епископ в подтверждение своего права не представил ни грамот, ни других доказательств. И великий князь Александр (5 июня 1499 г.) присудил: держать те села крылосу святой Софии; платить положенную дань те люди имеют софийским крылошанам и отбывать работу на соборную церковь, крыть и огораживать ее; соборяне же имеют судить тех людей с старцами из их волостей и брать себе судебные пени, а епископу Луке в те села и людей софийских не вступаться.

Важнейшею из грамот, данных в это время Александром православной Церкви, была грамота в подтверждение и ограждение прав, судебных и имущественных, всего православного духовенства, или грамота о неприкосновенности святительского суда и церковного имущества. Нареченный митрополит Киевский и всея Руси Иосиф, епископ Смоленский, представил великому князю Александру «Свиток прав» великого князя Ярослава Владимировича, которые заимствованы им из Номоканона Восточной Церкви и утверждены, чтобы тех судов духовных и доходов церковных никто из светских не смел судить и рядить, а ведали все те дела только митрополит Киевский и епископы Киевской митрополии, и жаловался, что некоторые князья и паны, воеводы, старосты, наместники, тиуны, управители замков, городов и волостей часто чинили кривду митрополиту и епископам, вступались в их церковные доходы и духовные суды и сами справляли те митрополичьи и епископские sprawy. А потому просил, чтобы великий князь подтвердил Ярославов устав, или выпись прав духовенства Восточной Церкви, своею грамотою. «И мы, – говорит Александр, – рассмотрев тот Свиток князя Ярослава и увидев, что он все духовные sprawy над всеми своими подданными греческого закона предоставил митрополиту и епископам на вечные времена, подтверждаем изложенное в Свитке настоящим нашим листом: 1) митрополит Киевский Иосиф и по нем будущие митрополиты и епископы Киевской митрополии имеют судить, и рядить, и справлять все духовные дела для христиан греческого закона по правам Свитка Ярослава на вечные времена; 2) приказываем, чтобы князья и бояре нашего римского закона, духовные и светские, равно воеводы, старосты, наместники как римского закона, так и греческого, тиуны, и все чиновники, и управители замков и городов, войты, бурмистры и радцы по городам, которые получили магдебургские права от наших предков или от нас или впредь получают, не чинили кривды Церкви Божией, митрополиту и епископам и не вступались в их церковные доходы и во все духовные sprawy и суды; 3) если люди митрополичьи или владычные, живущие в городах наших, захотят кормиться торговлею, они должны платить нам пошлину наравне с горожанами по-давнему; 4) что касается до церквей греческого закона, которые имеют в своих поместьях князья и паны наши римского закона, то которая церковь была издавна *поданье* (подаванье) митрополита или владыки, пусть будет и теперь церковью их поданья, а которая издавна находилась в поданье владельца поместья, пусть и теперь подает ее тот владелец с благословения митрополита, но удалять от той церкви священника владелец не имеет права без рассмотрения и воли митрополита; 5) если бы кто, римской ли веры или греческой, обесчестил или избил русского священника, дело должен рассматривать митрополит или епископ, ибо то суд духовный; 6) подтверждаем также навсегда и все прочие статьи, написанные в Свитке Ярослава, митрополиту Иосифу, и его преемникам, и всем епископам его митрополии: имеют они исполнять те духовные дела по давнему обычаю своей Церкви». Эта важная грамота дана митрополиту Иосифу 20 марта 1499 г., следовательно, в то время, когда он по воле Александра открыто уже убеждал православных к покорности Римской Церкви и, вероятно, наиболее пользовался благоволением великого князя. Если сравнить содержание грамоты с Свитком, который она подтверждала, то уви-

дим, что она имеет отношение к нему и некоторое сходство с ним только по статьям первой, второй и последней, а в трех других статьях совершенно разнится от него и содержит новые постановления. В частности, четвертая статья свидетельствует, что и тогда уже некоторые князья и бояре римской веры владели в Литовском княжестве православными населенными и имели под своею властью православные церкви, даже с правом поданья и определения к ним священников – легко понять, как могли действовать на православных такие владельцы. Самый Свиток великого князя Ярослава, подтвержденный грамотою, сохранился в списке того же времени, т. е. конца XV в., и только в основе имеет сходство с известным церковным уставом Ярослава, употреблявшимся в Московской митрополии. О подлинности Ярославова Свитка не может быть и речи: против подлинности и хронологическая несообразность, в нем допущенная, и слог Свитка, вовсе не соответствующий времени Ярослава, и особенно употребляемый в Свитке счет денег рублями широких грошей. Последнее обстоятельство прямо указывает, что Свиток составлен или переделан, может быть, на основании древнего, подлинного церковного устава Ярослава в Западной России, где первые следы этого Свитка встречаются в 1443 г.

Кроме великого князя литовского в то же время оказывали покровительство и благодеяния православным церквам и монастырям в Литве и некоторые поместные князья и владельцы. Князь Константин Иванович Острожский пожаловал (1497) Покровской церкви в Турове рыбную ловлю и оградил священника этой церкви от обид и притеснений, а крылошанам виленского Пречистенского собора назначил навсегда из одного своего имения по две копы грошей и по пятнадцати бочек жита ежегодно. Князь мстиславский Михаил Иванович дозволил (1499) мстиславскому Пустынскому монастырю призывать поселенцев на свою церковную землю; наперед освободил этих будущих монастырских людей от всяких пошлин и суда не только светских судей, но и *десятинников* Полоцкого владыки; запретил и владыке судить игумена монастыря и брать с него церковные пошлины и право суда над игуменом предоставил самому себе вместе со владыкою. А вскоре за тем пожаловал тому же монастырю (1500) бортную землю Измайловскую и священнику Николаевской церкви в Мстиславле (1501) одно сельцо с пашнями и сеножатями. Князь Богдан Глинский с своею супругою отказал (1500) киевскому Пустынно-Николаевскому монастырю село Гатное в Киевском повете со всеми угодьями. Известный нам канцлер великой княгини Елены Иван Семенович Сапега, когда по предложению его в родовом его имении Кодне мещане греческого закона построили себе церковь во имя святого Михаила, поставил к ней священника (по праву подаванья) и на содержание его определил кроме участков пашенной и луговой земли от каждого кодненского мещанина, с каждой уволоки его земли по копе ржи ежегодно. Князь Федор Иванович Ярославич пинский сделал (1502) замковую церковь святого великомученика Димитрия в городе Пинске соборною и учредил при ней трех священников и диакона, кроме того, пристроил к ней, несмотря на существовавшее запрещение, четыре придела и в каждый определил по священнику. Всем этим семи священникам и прочему причту назначил ежегодную денежную ругу из своих имений, отвел дворовые места в Пинске с освобождением от земских повинностей, дал пахотные земли в разных своих селах по местам и с церковными людьми, назначив также от себя ругу и на потребности при богослужении: просфоры, вино, ладан, свечи. А в следующем году пожаловал приходской церкви в Купетичах рыбную ловлю на реке Ясьольде и на храм Пречистой в Лещинском монастыре определил ежегодно давать десятого осетра со всех осетринных озер Пинской волости.

V. Общий взгляд на состояние православной Церкви

Из семи, вернее, из шести митрополитов, управлявших Западнорусскою Церковью в настоящий период, один – Григорий Болгарин – несомненно был униатом и старался приобрести себе последователей в среде своей паствы, но после десятилетнего опыта сам увидел нужду оставить унию и возвратился в православие, когда испросил себе благословение и утверждение в сане от православного Цареградского патриарха. Другой митрополит – Мисаил – только пытался принять унию на условиях, изложенных в послании к папе, но, не получив от папы никакого ответа, остался православным и об униии вовсе не заботился. Третий – Иосиф Болгаринич – также пытался войти в сношение с папою и принять унию и усердно трудился убеждать к принятию ее своих пасомых, но встретил недоверие и медленность со стороны папы и в тяжкой болезни скоро скончался, не изменив православию. Три остальные митрополита – Симеон, Иона Глезна и святой Макарий – были постоянно православными. Верховным архипастырем в Литовской митрополии признавался православный Цареградский патриарх. Даже униат Григорий, при котором она насильно была отторгнута из-под власти этого патриарха, нашелся наконец вынужденным подчиниться ему вместе с нею и испросить себе у него благословения и утверждения. Мисаил, кажется, не успел испросить себе этого благословения и утверждения и до конца жизни оставался только нареченным митрополитом. Прочие четыре митрополита, несомненно, получили благословение и поставление от Цареградского патриарха. Государя литовские, Казимир и Александр, под влиянием папы и латинского духовенства относились к православию неприязненно, но в то же время давали жалованные грамоты православным владыкам, монастырям и церквам, подтверждали и ограждали права и обычаи даже всего православного духовенства, всех православных своих подданных. Известные постановления, запрещавшие допускать православных к высшим служебным должностям и строить или обновлять православные храмы, соблюдались не всегда строго, может быть по допущению самих великих князей литовских. Действительные притеснения православных за веру и разные насилия были только в начале периода, при митрополите Григории, и особенно в конце периода, при митрополите Иосифе. Видимым, осязательным для всех свидетельством о том, что православная Церковь была только терпимою в Литве, а не господствующею, служило самое местопребывание православных митрополитов. Они жили постоянно не в Вильне – столице государства, где главным действующим лицом духовным всегда являлся римско-католический епископ, а в скромном и довольно далеком от столицы Новогрудке и Вильну посещали лишь изредка, большею частию однажды в год, хотя и имели здесь свой кафедральный собор. Иногда проживали они еще в Минске, где имели свой дом и держали своих наместников.

Из девяти епархий, вошедших в состав Литовской митрополии по отделении ее от Московской, одна – Галицкая – сделалась только частию епархии митрополитской, обнимавшей Киев, Вильну, Новогрудок, Слуцк, Городну, Минск, Галич, Львов вместе с их округами; другая – Черниговская – закрылась под конец периода, когда Чернигов и Брянск со всеми северскими областями перешли (1500) под владычество московского государя, а о третьей – Перемышльской, – даже об именах ее епископов, вовсе не сохранилось сведений. Из епископов епархии, или владык (так обыкновенно назывались в Литве даже в официальных бумагах православные епископы в отличие от латинских, которых называли епископами-бискупами), известны: а) *Смоленские*: Мисаил (1454–1480), избранный с 1475 г. и на митрополию; Иоаким (1480–1494) и Иосиф Болгаринич (с 1494), удержавший за собою эту епархию и по избрании (1498) на митрополитскую кафедру; б) *Полоцкие*: Каллист (с 1458 г.), преемник его Симеон, вероятно бывший потом митрополитом (с 1481 г.); преемник Симеона Иона Глезна, также бывший потом митрополитом (с 1488), и Лука (1488–1503); в) *Луцкие*:

Мартиниан (1459), Никифор (1490), Иона (1492–1495) и Кирилл (1495–1509)»; г) *Черниговские и Брянские*: Евфимий, удалившийся (в 1464 г.) от притеснений за веру в Москву; Нектарий (прежде 1499 г.) и Иона, взятый русскими в плен при занятии ими Брянска (1500); д) *Владимирские*: Феодосий (1485) и Вассиан (1487–1497); е) *Холмский*: Симеон (1494); ж) *Пинский и Туровский*: Вассиан (1495–1502). Замечательную особенность по отношению к епископскому сану встречаем в Литовской митрополии ту, что Полоцкий епископ Лука имел у себя жену, которая вместе с сыном своим Андреем жила в Полоцке же или неподалеку от Полоцка, где владела купленным имением, такое явление отнюдь не было бы допущено в Московской митрополии как несогласное с правилами Церкви.

Устройство епархиального управления и суда в Литовской митрополии оставалось то же, какое было в Московской. У епархиальных владык видим наместников, десятинников, или десятников, бояр, подскарбиев, маршалков. На владык собирались с духовенства, белого и монашеского, пошлины, и в числе их главные: сборное и подъезд, как в Московском государстве. Руководством по делам церковного управления и суда кроме общих церковных правил служили: а) так называемый Свиток Ярославов, подтвержденный грамотою великого князя Александра, и б) другие грамоты, какие по временам давали великие князья литовские владыкам, церквам, монастырям.

Число монастырей, если даже ограничиться лишь теми, о которых упоминается в современных актах и других известиях, было уже в Литовской митрополии значительно. Между ними встречаем монастыри древние и вообще прежде основанные: в Киеве Печерский, Николаевский Пустынный и Михайловский; в Вильне Свято-Троицкий; в Троках Рождество-Богородичный; в Полоцке Николаевский на Лучне; близ Новогрудка Лаврашев; близ Луцка Красносельский; в Кобрине Спасский; в Мстиславле Онуфриевский. Еще более встречаем тогда монастырей, вновь основанных, или возобновленных, или по крайней мере в первый раз упоминаемых, именно: в местечке Черее (ныне Могилевской губернии) Черейский, основанный епископом Смоленским Мисаилом (1454); в Слуцке – Троицкий (около 1455 г.); во Львове Онуфриевский и Униовский, или Уневский (около 1463 г.); в Гродне Коложский Борисоглебский (1480); в Смоленске Архангело-Михайловский (1430); близ Луцка или в его уезде Пересопницкий Богородичный (1490) и Жидичинский Николаевский (прежде 1492 г.); в Овруче Иоакимо-Анновский и Богородичный (1496); в Мстиславле Пустынский Богородичный (1496); в Минске Вознесенский (1499); в Дермани – Дерманский Троицкий (1499); во Владимире Волынском Спасский (1500); недалеко от Пинска Лещинский Богородичный (1503). Важнейший из этих монастырей, Киево-Печерский, был патриаршим ставропигиальным. Монастыри Михайловский в Киеве, Рождество-Богородичный в Троках, Николаевский на Лучне в Полоцке, Иоакимо-Анновский и Богородичный в Овруче находились в непосредственном ведении и в подаванье самого великого князя, который и раздавал их по своему усмотрению. Монастыри слуцкий Троицкий и Мстиславские Онуфриевский и Пустынский находились под патронатством и в подаванье местных князей. Все эти монастыри по управлению и суду были более или менее независимы, а иные (Киево-Печерский и трокский Богородичный) и совсем независимы от своих епархиальных владык.

Известны также по современным актам и сказаниям некоторые соборы и приходские церкви Литовской митрополии. Соборы, например: в Киеве – Софийский кафедральный, в Вильне – Пречистенский кафедральный, в Новогрудке – Борисоглебский кафедральный, в Смоленске – Успенский кафедральный, в Полоцке – Софийский кафедральный, во Владимире – Пречистенский кафедральный, в Мстиславле – Троицкий замковый, в Пинске – Дмитриевский замковый. Приходские церкви: в Вильне – Николаевская, в Кобрине – Петропавловская, Николаевская и Пречистенская, в Смоленске – Николаевская, в Турове – Покровская, в Мстиславле – Николаевская, в Витебске – Михаило-Архангельская, Свято-Духовская, Благовещенская и др. Подобно монастырям, некоторые и из приходских церквей находились

в ведении и подаянье князей, бояр и вообще местных владельцев, которые иногда были и римской веры. Эти-то патроны имели власть отдавать свои церкви, кому сами хотели. Так, князь кобринский Иван Семенович (из потомков князя Любарта, сына Гедиминова) пожаловал (1465) одному из слуг своих в вечное и потомственное владение церковь святых апостолов Петра и Павла в Кобрине со всеми ее именами и доходами, ссылаясь на бывший уже пред тем пример, а половину своего дворища записал (1469) на кобринскую Николаевскую церковь в вечное владение другому своему слуге, также по прежде бывшему примеру, тем самым предоставлялось слугам с нисходящим от них потомством и право священства при пожалованных им церквах. Тот же князь отдал (1479) Пречистенскую церковь города Кобрина в вечное и потомственное владение попу Иакову, с тем чтобы в случае смерти его, если внуки его от дочери будут малолетни для священства, она могла до возраста их держать при церкви наемного попа.

Церкви, как и монастыри, почти все, в самой даже Вильне, были деревянные и не отличались богатством утвари. В слуцком Троицком монастыре, бывшем под покровительством местных князей, находилось, по описи 1494 г., всего восемь риз священнических, четыре стихаря диаконских и четыре подъячих, в том числе и полотняные; десять икон, один крест большой деревянный и другой серебряный и позлащенный, воздвизальный; два потира серебряных и один цинковый, дискос и шесть лжиц серебряные, сребропозлащенная панагия и пять серебряных ковшей. Но во многих местах сосуды для таинства Евхаристии и лжицы для приобщения употреблялись деревянные.

Доныне сохранились в Вильне от того времени только две церковные драгоценности: крест и икона. Крест шестиконечный деревянный, обложенный позолоченным серебром, с частицею Животворящего Древа и со многими частицами мощей святых и имеющий на самой середине другой четвероконечный крест небольшой, с распятием, устроен в 1495 г. смоленским окольным Александром Васильевичем и ныне находится и употребляется в виленском кафедральном соборе. Другая драгоценность – икона Божией Матери, та самая, которую благословил великий князь московский Иван III дочь свою Елену, когда отпустил ее в Вильну. По смерти Елены икона много лет находилась в Пречистенском соборе и потом перенесена в виленский Свято-Троицкий монастырь, где находится и ныне и особенно читится народом.

Главным источником для содержания православного духовенства в Литве, как и в Московском государстве, служили земельные владения, ненаселенные и населенные. Эти владения, архиерейские дома, монастыри и церкви большею частью получали в дар то от великого князя, то от местных князей и бояр, то от других благочестивых христиан, а иногда приобретали и покупкою. Церковные крестьяне освобождались от подсудности светским властям и от государственных повинностей, только не от всех. Тяжебные дела духовных владельцев о земельных владениях восходили на суд самого великого князя.

Кроме известных уже нам посланий нареченного митрополита Мисаила к папе Сиксту IV и не принятого в Литве митрополита Спиридона ко всей его духовной пастве, мы не находим тогда в Литовской митрополии никаких следов оригинальной духовной литературы, если не относить к ней местных летописей, в которых говорилось и о событиях Церкви. Довольствовались списыванием и употреблением готовых книг и сочинений, которые употреблялись и в Руси Восточной. В слуцком Троицком монастыре, судя по описи его 1494 г., находились: а) Апокалипсис; б) писания некоторых отцов Церкви и учителей Церкви, преимущественно аскетические: Ефрема Сирина, аввы Дорофея, Феодора Студита, Григория Синаита, Иоанна Лествичника, Симеона Нового Богослова; в) сборники, или сборники: Измарагд, Сборник годовой, Сборник постный, Сборник жития святых, два Пролога, Патерик Печерский; г) книги канонического содержания: Правила великие, или Кормчая, Никон, т. е. известные сборники Никона Черногорца; д) книги богослужебные и читавши-

еся при богослужении: два Евангелия – тетры, Апостол тетр и другой апракос, три Службеника, два Требника, две Псалтири, Часослов, два Устава, две Триоды, двенадцать месячных Миней, Евангелие толковое. Некоторые из тогдашних книг сохранились до настоящего времени. В Виленской публичной библиотеке находятся: четыре рукописных Евангелия XV в. – Туровское, Городенское, Волковыцкое и Поникловское и одна Триодь того же века – Николаевская. В библиотеке Литовской Духовной семинарии находятся в списках XV в.: Апостол (за № 21), Поучения святого Кирилла Иерусалимского и пространное житие святого Иоанна Златоустого (№ 25), Диалоги святого Григория Двоеслова и пространное житие святого Григория Омиритского (№ 23); Минея месячная за четыре месяца, с генваря по май, в двух книгах (№ 15), писанная в 1487 г. по повелению пана Солтана, королевского маршалка; Сборник (№ 14) без начала и конца в двух частях, из которых в первой содержатся жития святых, преимущественно русских, а во второй – службы святым, почти исключительно русским. Сборник этот, как можно догадываться, писан между 1461–1465 гг. в Москве, откуда и прислан в Литву, может быть, в числе тех 13 книг, которые посланы были в 1497 г. великой княгине Елене ее отцом Иваном Васильевичем. С последних годов XV в. могли мало-помалу входить в употребление по церквам Литовской митрополии и печатные богослужбные книги, каковы: Шестоднев, Часослов, Псалтирь следованная, Триодь постная и Триодь цветная, изданные в 1491 г. в Кракове Швайпольтом Феолем; затем Часослов, изданный в 1493 г. в Венеции магистром Андреем Торесанским; Октоих, изданный в 1494 г. в Зете, или Цетине, иеромонахом Макарием; Псалтирь следованная, изданная в 1495 г. там же и тем же иеромонахом; Евангелие на престольное, изданное в Брашове в конце XV или в начале XVI в. неизвестным.

Современное свидетельство, как привержены были тогда русские Литовской митрополии к своей православной вере, каких держались отличительных верований, церковных обрядов и обычаев, как смотрели на веру латинян, с которыми обитали в одном государстве и находились в постоянных сношениях, как сами латиняне понимали веру русских и что говорили о ней, оставил нам краковский каноник Иван Сакран. Живя в столице Польши, он имел возможность близко знать не только латинян, но и православных Литвы и Польши и их взаимные отношения и на основании собранных сведений написал в 1500 г. небольшое сочинение под заглавием «Истолкователь заблуждений русской веры». Начиная это сочинение, он говорит, что из всех народов, носящих имя христианское, но отделенных от Римской Церкви, нет ни одного, который бы был так непоколебим в защищении своего схизматического заблуждения, как народ русский. По упорству в своей схизме русские не верят никакой предлагаемой им истине, не принимают никакого убеждения и всегда противоречат; убегают от ученых католиков, даже мужей своего обряда (не намек ли на митрополита Иосифа Болгариновича?), ненавидят их учение, отвращаются от их наставлений. Признают только самих себя истинными последователями апостолов и первобытной Церкви и все анафематствования против них из Рима считают вечным для себя благословением. Не упоминаем уже, как святотатственно поступили они с Исидором, митрополитом Киевским, пришедшим к ним с Флорентийского Собора для насаждения между ними установленной там унии с Римскою Церковью; всем известен, у всех пред глазами их новый поступок, какой совершили они в нынешнем, 1500 году, по отношению к той же самой унии. Едва только великий князь литовский Александр возымел намерение и начал в своих обширных владениях кроткими убеждениями обращать их, русских, к единству Римской Церкви, как князья и вожди их с яростию поспешили передаться к московскому великому князю, защитнику их схизмы, а этот последний, считая намерение Александра обидою для себя, обрадовался случаю напасть на литовские области и произвел в них страшные опустошения. Русские до того ненавидят веру латинян, что желали бы не только всячески вредить ей, но даже искоренить ее во всем мире.

Самые заблуждения русской веры Сакран излагает затем в сорока главах, и прежде всего те, которые показывают, как относились русские к римскому католицизму. Русские, говорит он, отвергают, что святой Петр был истинным папою, истинным епископом Рима и единственным главою воинствующей Церкви; то же думают и о преемниках его – Римских первосвященниках и считают их равными с другими первосвященниками (ст. 1). Отвергают, что Римская Церковь есть глава всех Церквей, их верховная правительница и наставница (ст. 2). Говорят, что все повинующиеся Римской Церкви не суть истинные христиане и не спасутся, потому что уклонились от первобытной Церкви; одних себя считают истинными христианами, последователями Христа и апостолов и принадлежащими к числу спасаемых; самого папу называют еретиком арианской ереси, а всех католиков – арианами и проклинают его во время своего богослужения (ст. 3). Не верят, чтобы латинские учителя говорили или писали по внушению от Духа Святого, не принимают их писаний, хотя бы они были приняты Церковью, и потому не дают веры, например, сочинениям блаженного Иеронима, Августина, Григория, Амвросия и последующих учителей (ст. 4). Писания греческих учителей принимают, когда не находят в них ничего противного своим заблуждениям, а если находят что-либо противное, то считают их поврежденными и не заслуживающими веры (ст. 5). Хулят и осуждают святых Римской Церкви и исповедания (ст. 6). Отвращаются от католических икон и, сколько могут, бесчестят их, а иконы своего писания почитают, когда они помещены или изображены в их *синагогах* (ст. 7). Презирают и поносят католические церкви, не признавая их освященными, и не оказывают никакого почтения даже к святейшему таинству, в них совершаемому, говоря, что оно не может совершаться на опресноках, а их синагоги, говорят, могут освящать простые священники, и действительно освящают (ст. 8). Все каноны и определения латинских Соборов, бывших после Седьмого Вселенского, называют ничтожными и некафолическими, потому что Соборы эти происходили без их согласия и одобрения (ст. 9). Все таинства Римской Церкви унижают, поносят, бесчестят, особенно таинства крещения и Евхаристии, потому что совершаются не по их обрядовой форме (ст. 10). Говорят, что Римский первосвященник не имеет власти освящать миро, а имеет ее только Царградский патриарх, и миро, им освященное однажды, сохраняет свою силу на многие годы (ст. 11). Осуждают чины и благословения папские, молитвы, посты, индульгенции, юбилеи и все церковные должности; смеются над авторитетом Римской Церкви и над покорностью ей и считают за ничто как индульгенции ее, так и отлучения (ст. 12). Если бы случайно какой-либо католический пресвитер совершил служение в их алтарях, его тотчас, как проклятого, с бесчестьем прогоняют, и говорят, что на одном престоле должна быть совершаема в день только одна литургия (ст. 23). Считаю заслугою, достойною великой милости, когда кто-либо человека-латинянина отторгнет от повиновения Римской Церкви (ст. 24). Говорят, что не грех ложно клясться против врага, особенно против человека римской веры, а также обманывать его и вредить ему (ст. 26).

К числу других заблуждений Сакран относит некоторые верования и мнения русских, образ совершения ими некоторых таинств и некоторые содержимые ими церковные правила, установления, обычаи, которые рассматривает и излагает с своей, латинской, точки зрения. Русские веруют: Дух Святой исходит только от одного Отца, а не от Сына, иначе было бы два начала (ст. 36); нет чистилища, а есть только два вместилища для душ – небо и ад (ст. 33); душа до дня Суда, пока тело находится в земле, не имеет славы и блаженства (ст. 34); молитвы живых приносят пользу осужденным во аде (ст. 35). Говорят: живущий человек не может согрешить смертно (ст. 30); единичное любодеяние не есть смертный грех, равно и лихва (ст. 31); вору, отвечающему за свое воровство, достаточно явиться к семи священникам, сознаться пред ними в грехе и просить у них помазания елеем, а нет нужды платить деньги и вознаграждение за украденное (ст. 32). Говорят, что христиане согрешают смертно, когда бреют себе бороды и едят удавленину и что достойны осуждения те, которые едят

мясо в последнее воскресенье перед постом (ст. 28). Крестят в случае недостатка воды в сосуде с кислотой, выжатою из яблок или плодов и смешанною с натуральною водою и закваскою, и на той же кислоте при недостатке вина совершают Евхаристию (ст. 15). Различаются от Римской Церкви не только по форме крещения, но и по материи, а в день Богоявления вместо церковной купели для крещения детей освящают реки наподобие Иордана, и если младенец умрет при погружении в холодную воду или выпадет из рук, то говорят, что он восхищен ангелом на небо и что мир недостойн был его присутствия (ст. 21). Говорят, что нет никакого таинства конфирмации (миропомазания), почему и не употребляют его при поставлении своих священников, и не имеют определенных времен для возведения на церковные степени, а возводят, как придется, и в один день, и на многие степени (ст. 13). В приготовлении чаши смешивают две или три капли вина с теплою водою, так что вина совсем нельзя чувствовать, и, взяв кислый хлеб, разделенный надвое, извлекают из верхней части его средину в виде треугольника, которую и освящают в Тело Христово... К этому хлебу, назначенному для таинства, прибавляют и многие другие и предлагают один во имя Марии, другой во имя Предтечи, третий во имя Василия, затем Льва, Илии и таким образом при каждом хлебе призывают особого святого. Во многих местах таинство совершают в деревянных чашах и приобщают народ из чаши деревянными лжицами, преподавая ему Тело и Кровь (ст. 16). Пред приобщением берут теплую воду и вливают в освященную чашу, и если из чаши поднимается пар, то веруют, что в ней действительно таинство; оставшееся в чаше сохраняется, а после обеда потребляется священником (ст. 17). Освящают пшеничный хлеб в Тело Христово за воинов и раздают его в руки отправляющимся на войну мирянам, которые пред сражением с неприятелями кладут тот хлеб в сосуд с жидкостью, какая случится, и сами приобщают себя (ст. 18). Для преподавания больным, говорят, имеет силу лишь то таинство Евхаристии, которое совершается в день установления его, а не иное, освящаемое в другие дни, и сохраняют то таинство в течение года в особом сосуде для преподавания больным (ст. 19). Хлеб, приготовленный для таинства, и чашу с вином, смешанным с теплою водою, до освящения их выносят с величайшим благоговением и показывают народу, и народ повергается долу и оказывает им почтение, а когда хлеб тот и чаша поставляются на престоле и освящаются, то уже не поднимаются пред народом и никем не чтутся (ст. 20). Говорят, что таинство елеосвящения не может подавать врачевства против виновности греха и что святой Иаков разумел помазание только для уврачевания болезни телесной (ст. 14). Не должно, говорят, поститься в субботу, и смертно грешат те, которые постятся; не должно совершать литургии в продолжение всей Четырдесятницы, кроме дней субботних и воскресных, почему и осуждают Римскую Церковь, совершающую литургии и в другие дни; пред постами восемь дней празднуют и после постов шесть дней едят мясное; в Четырдесятницу, говорят, не должно вкушать даже рыбы (ст. 27).

Священники их вообще не молятся, кроме тех случаев, когда, по обычаю своему, готовятся к совершению литургии, и в какие часы они молятся, один Бог видит (ст. 22). Говорят, что пресвитеры их впадают в грех, когда убьют воробья или другую птицу, и получают прощение лишь тогда, если будут носить убитую ими птицу за крылья, пока она совершенно сгниет, епитимия не могла бы быть более строгою, если бы они убили человека-христианина (ст. 25). Допускают расторжение браков без всякой разумной причины, а по одной корысти и прихоти, возбуждаемых в супругах простыми мирянами, и говорят, что всяк просящий развода может быть разведен (ст. 37). Второй и третий брак, говорят, не суть законные и не составляют истинного таинства, и от них не происходят законные дети (ст. 38). Совершив погребение, все целуют могилы своих мертвецов по приказанию священника и затем устраивают пиршество, вкушая при этом и некоторые ячменные хлебы, благословенные пресвитерами (ст. 39). Говорят, что позволительно продавать или покупать прелатства и церковные приходы, равно как и священные степени, и что дети имеют право наследства на те приходы,

которые держали их отцы (ст. 29). Говорят, что светским верховным властителям над ними дозволительно, без опасения церковного отлучения, наказывать и низлагать их патриархов, епископов и священников, что получило начало еще в Греции (ст. 40).

Не все, без сомнения, изложенное в этих сорока статьях, изложено верно и точно. Иное автор или понял неправильно, или перетолковал (например, ст. 13, 14, снес. 32); иное преувеличил или исказил (ст. 4, 16, 17, 37); иное основал на ложных, дошедших до него слухах и даже противоречивых или на частных случаях, без надлежащей проверки (ст. 26, 28, снес. 30), но большую часть показания его достоверны и драгоценны для нас как показания современника, и притом латинянина. А особенно достоверно и драгоценно для нас свидетельство его, что русские тогда в литовских владениях были чрезвычайно привержены к своей вере и до крайности неприязненны к вере латинской, что никакой унии с Римскою Церковию у них тогда не было и что они прямо отвергли и ту унию, какую пытались было ввести между ними в 1500 г. Изложив религиозные заблуждения русских и указывая на их неприязненность к Римской Церкви, Сакран счел нужным еще высказать мысль, что если русские с притворным смирением и простотою будут приходить к апостольскому седалищу, то не должно тотчас им верить и немедленно принимать их, – мысль, которой, как мы знаем, держались и сами папы по отношению к известным попыткам митрополитов Мисаила и Иосифа. Правда, могли быть, и действительно были, тогда частные случаи обращения русских к католицизму. Кроме Ивана Сапеги, о котором мы уже упоминали, можем указать еще для примера на жену кобринского князя Ивана Семеновича (прежде 1491 г.) княгиню Феодору из рода Рогатинских: по смерти князя, вступая в новое замужество за виленского воеводу Паца, она изменила православие и приняла латинскую веру вместе с новым для себя именем Софии. Но случалось, что и латиняне тогда переходили в русскую веру, как можно догадываться из следующих слов королевской грамоты, данной Витебску в 1503 г.: «Которы будут, литвин або лях, крещены были у Витебску в русскую веру, а хто из того роду и тепере живет, того нам не рушити, права их хрестьянского ни в чом не ломити».

Глава II. Спокойное состояние православия, лишь изредка нарушавшееся борьбой с латинством, без попыток к унии (1503–1555)

I. Митрополит Иона II

Первая и весьма важная для Западнорусской Церкви перемена вследствие войны московского государя Ивана III с литовским Александром произошла в положении королевы Елены. Уже в то время, пока продолжалась эта война, счастливая для России, Александр начал оказывать своей супруге более внимания, нежели прежде: в 1501 г. он пожаловал ей, как мы видели, несколько своих имений, чего прежде она напрасно у него просила, и, несмотря на неоднократные настояния со стороны папы, не соглашался удалить ее от себя. Вслед за тем он подарил ей еще собственное, хотя и небольшое, село Тростенец близ Минска, которое Елена тогда же (17 января 1502 г.) записала на минский Вознесенский монастырь, и Александр подтвердил эту запись своею грамотою (10 марта 1502 г.). Потому в следующем году, пред заключением перемирия между Москвою и Литвою Елена не без основания писала к отцу и говорила ему чрез своего канцлера Сапегу, что муж ее любит и жалуется и дает ей волю держаться греческого закона и обычаев, и выражала уверенность, что, пока Александр жив, она не ожидает себе никакого принуждения в вере. По заключении перемирия (1503) Александр сделал своей супруге еще более значительный подарок: записал за нею в пожизненное владение город, или замок, Могилев со всею его областью и крестьянами. А чтобы освободить себя от укоров латинского духовенства и собственной совести, Александр просил нового папу Юлия II разрешить его от тяжких обязательств, наложенных на него прежним папою Александром VI по отношению к Елене, объясняя, что ни принуждать ее к римскому закону, ни удалить ее от себя за ее непреклонность в греческом законе не может, потому что в таком случае отец ее, московский великий князь, наверно вновь поднимет войну на Литовское государство и причинит ему много зла. И новый папа принял просьбу короля, дозволил ему (22 августа 1505 г.) терпеть Елену, несмотря на ее упорство в своем законе, жить с нею как с супругою и не принуждать ее к латинству, по крайней мере, пока не скончается ее отец, уже дряхлый, или не представится к тому другого удобного случая, прибавив, однако ж: «Если только Елена будет содержать декреты Флорентийского Собора, не будет презирать обрядов латинских и никого не станет приводить к своей русской секте». Московский государь Иван Васильевич скончался через два месяца (28 октября), но сын и преемник его, Василий Иванович, посылая послов своих с известием об этом и о своем вступлении на престол к королю Александру, прежде всего требовал, чтобы он в силу постановленного договора не принуждал своей жены, а его сестры королевы Елены к римскому закону, и Александр остался верен этому договору до самой своей смерти, последовавшей в конце ноября 1506 г.

Новое значение и силу королевы Елены вскоре увидели все православные, когда по ее указанию и ходатайству избран был для них и утвержден королем Александром новый митрополит Иона II. И этот выбор тем более был им дорог и приятен, что оказался впоследствии весьма благотворным для Церкви. По сознанию самих униатских писателей, Иона был человек благочестивый, хотя и простой, и до того был привержен к своей вере, что с его времени Русь снова поворотила к схизме, схизма вновь подняла свою голову и утвердилась в странах великого княжества Литовского и польских; за ним как пастырем-схизматиком открыто последовали его духовные овцы, и не только низший класс народа, но и шляхта и вельможи,

поколебавшиеся было прежде. На митрополию он избран, по словам тех же писателей, из архимандритов минского Вознесенского монастыря, которому покровительствовала Елена, а родом был будто бы из Москвы, где и напитался такою упорною привязанностью к схизме. До поступления в монашество не был ли Иона священником и духовником Елены после попа Фомы, прибывшего с нею, о котором потом (в 1497 г.) она отзывается своему отцу: «Поп Фома не по мне», присовокупляя: «А есть со мною другой поп из Вильны, и он добре добр»? И не потому ли Елена благодетельствовала минскому монастырю, что там настоятельствовал ее бывший духовник; не потому ли и ходатайствовала об избрании его в митрополита, что близко знала его и уважала? Как бы то ни было, несомненно одно, что до своего монашества Иона был женат и имел детей. Время избрания его на митрополию с точностию неизвестно, но в марте 1502 г. он был еще настоятелем минского Вознесенского монастыря, а в октябре 1503 г. уже назывался «освященным епископом, нареченным митрополитом Киевским и всея Руси» и совершил освящение великой церкви Супрасльского монастыря во имя Благовещения и двух ее приделов: одного во имя святых мучеников Бориса и Глеба, а другого во имя преподобных Антония и Феодосия Печерских. Благословение же и поставление на митрополию Иона получил, по всей вероятности, от Цареградского патриарха Пахомия, который в 1504 г. первосвятительствовал несколько месяцев.

Дав русским такого достойного архипастыря по желанию своей супруги, Александр не переставал оказывать им и другие знаки своего внимания. В 1503 г. (июля 16) он подтвердил уставную грамоту жителям Витебска, в которой, между прочим, обещал не вступаться в их православные церкви и церковные дома и ни в чем не нарушать прав русской веры, даже если бы ее содержали некоторые из литовцев или поляков, крестившиеся прежде. В том же году пожаловал Полоцкому владыке Луке в один день (26 декабря) две грамоты: одною возвратил ему села и земли, которые за четыре года прежде отнял у него и передал соборным клирошанам; а другою подтвердил ему ту самую грамоту о правах церковных, по Свитку Ярославову, и даже в тех же выражениях, которую дал прежде (1499) русскому духовенству. В 1504 г., марта 15, по просьбе Холмского владыки подтвердил ему грамоту короля Владислава 1443 г., марта 22, которою ограждались все прежние права русского духовенства, судебные и имущественные, и оно приравнивалось по правам духовенству римскому. При осаде города Смоленска московским войском и во время произведенных им опустошений в окрестных местах (около половины 1502 г.) нареченный владыка Смоленский Иосиф (Солтан) показал королю Александру верную службу против неприятеля и сам потерпел немалый убыток, так как неприятель многие его волости церковные забрал, а другие совсем разорил. За это король пожаловал (15 сентября 1504 г.) Иосифу в Бельском уезде три небольшие имения: Топилец, Батюты и Пыщево в полную и вечную собственность. В следующем году по просьбе того же владыки Иосифа вместе с князьями, боярами и всеми жителями земли Смоленской Александр подтвердил (1 марта) жалованную им грамоту о неприкосновенности их православной веры и других прав и вольностей и дал обещание: «Напервей нам христианства греческого закону не рушити, налоги на их веру не чинити, а в церковные земли и в воды не вступатися, також в монастыри». Через год пожаловал (3 марта) Киево-Николаевскому Пустыньскому монастырю грамоту на владение купленною землею и угодьями. Неизвестно, в каком именно году Туровский и Пинский владыка Вассиан жаловался королю Александру, что пинские князья Иван и Федор Иванович Ярославичи без ведома и благословения его, владыки, закладывают и строят по городам и волостям церкви, определяют к тем церквям попов, судят их и совсем освобождают их от послушания владыке. Александр признал жалобу справедливою и присудил, чтобы все церкви, построенные Ярославичами без воли и благословения владыки, отданы были в его ведение вместе с священниками и чтобы впредь во всей «парафии» Туровской и Пинской светские люди, князья, бояре и другие без воли и благословения владыки церквей и монастырей не закладывали и не строили, священников к

ним не определяли и ни в какие духовные sprawy не вступались под опасением штрафа в три тысячи коп литовских на государя. Но с другой стороны, Александр не переставал делать и такие распоряжения, которые не могли служить на пользу православной Церкви: он отдал (12 сентября 1504 г.) Пересопницкий монастырь со всеми его селами, землями и угодьями во владение княгине Марии Чарторыйской, а через полгода – сыну ее, князю Федору Чарторыйскому, и его потомкам.

Александр не усомнился войти в непосредственное сношение даже с Цареградским патриархом Иоакимом, тем самым, которого папа в своей грамоте к нему, Александру, как мы видели, назвал еретиком и незаконно поставленным на патриаршество. Король написал к патриарху письмо, которым извещал, что «маршалок его державы, правоверный и знаменитый господин Александр Иванович Ходкевич основал и построил на собственные средства в своей наследственной отчине – в Блудовских лесах, на берегу реки Супрасли славный монастырь в честь Пречистой и Преблаженной Девы Марии, Богородицы», Тогда же написал к патриарху и сам Ходкевич, что построил в своей обители прекрасный храм, с большими издержками, и обеспечил средства для существования как храма, так и обители на вечные времена вместе с Смоленским епископом Иосифом. В ответ на эти письма Вселенский патриарх прислал (1505) в Супрасльский монастырь свою благословенную грамоту, в которой прежде всего благословляет вкладчиков, или благотворителей, святой обители, боярина Александра и епископа Смоленского Иосифа, потом самую обитель; утверждает ее правила и устав и заповедует, чтобы в обители непрестанно поминаемы были в молитвах названные ее благотворители, чтобы братия избирали себе игумена из собственной среды, не употребляли хмельных напитков и без воли игумена не выходили даже за монастырские ворота; наконец, чтобы между братьями существовало совершеннейшее общежитие и ни один монах не держал у себя ни денег, ни иной какой вещи, а отдавал все на хранение избранному братством казнохранителю. Смоленский епископ Иосиф, который в грамоте патриаршей наравне с Ходкевичем назван благотворителем Супрасльской обители, пожертвовал ей те самые три небольшие села в Бельском уезде, которые получил от короля Александра за свои заслуги. Пожертвование это было сделано, без сомнения, еще до письма, посланного Ходкевичем к патриарху, но грамоту в подтверждение своего пожертвования Иосиф дал обители уже 11 мая 1506 г.

Из действий самого митрополита Ионы известны немногие. Во время войны Ивана Васильевича с Александром взят был в плен московским войском в числе других и сын Ионы Сенька Кривой. В 1505 г., когда к новому московскому великому князю, Василию Ивановичу, приходил посол от польского короля, присылал и митрополит Иона своего человека к Московскому митрополиту Симону и просил исходатайствовать его сыну Сеньке освобождение из плена на обмен одного боярского сына. Но ходатайство Симона не имело успеха, потому что государю хотелось обменять митрополичьего сына не на одного, а на двух боярских детей. В следующем году, также с послом королевским, Иона снова прислал в Москву своего человека и просил о сыне. В этот раз Василий Иванович, снисходя на просьбу Ионы, а более на ходатайство своего Московского митрополита и бояр, повелел отпустить Сеньку Кривого в обмен на одного сына боярского, хотя, как далее увидим, обмен состоялся еще не скоро.

Во время той же войны Ивана Васильевича с Александром московское войско после неудачной осады Смоленска, опустошая литовские области, доходило и до Гродны и здесь разорило Коложский монастырь и в нем церковь святых мучеников Бориса и Глеба. Нашелся благотворитель и для этой обители – некто Богуш Боговитинович, писарь королевский, городничий трокский. Он воздвиг и обновил, на собственные средства, церковь и монастырь, снабдил их всем необходимым и пожертвовал им село свое Чащевичи с землями и всеми угодьями, на что и выдал монастырю запись в 20-й день июля 1506 г. в присутствии митрополита Ионы и Смоленского владыки Иосифа. В то же время митрополит Иона по просьбе

Боговитиновича дал монастырю благословенную грамоту (от 20 июля 1506 г.), в которой отказался за себя и своих преемников от всех доходов, собиравшихся дотоле в митрополичью казну с этого монастыря, как-то: от сборных куниц, подъездов, стаций, поклонов и иных, и предоставил навсегда ктитору храма Богушу вместе с монастырскою братиею избирать игуменов и подавать им монастырь по своей воле, только с благословения митрополита и без всякой мзды ему за благословение. Под грамотою своею Иона подписался так: «Волею Божеею, Иона архиепископ митрополит Киевски и всея Руси се писах моею рукою». Эту грамоту митрополита, равно как и фундушевую запись Боговитиновича, спустя год подтвердил и новый король польский Сигизмунд своею грамотою, которою передал Коложский Борисоглебский монастырь во власть, «опеканье» и подаванье пану Боговитиновичу, с тем чтобы митрополит и епархиальный архиерей не вступались ни в монастырь, ни в церковь и никаких доходов и подачек с них не брали, а преподавали только благословение избранному игумену.

Под конец своей жизни, но находясь еще в здоровом состоянии, митрополит Иона составил два духовных завещания. В одном распisał часть своего имущества на церкви Божии для спасения своей души; в другом – некоторую сумму золотых и иного своего имущества назначил своему государю, еще некоторую распределил между своими приятелями и слугами и в особенности перечислил все вещи и деньги, которые должны принадлежать сыну его Сеньке, находившемуся еще в плену московском. Оба эти завещания Иона представил королю Сигизмунду и бил челом утвердить их, чтобы ни при жизни его, митрополита, ни по смерти завещания никем не были нарушены и все вещи были розданы по назначению, а вещи сына его сохранялись в целости, пока он не освободится из плена. Король уважил желание первосвятителя и оба его завещания утвердил своею грамотою в 9-й день июля 1507 г. Кончину митрополита Ионы надобно относить к последним месяцам того же 1507 г., судя по тому, что в начале следующего года, как увидим, был уже другой митрополит Киевский и всея Руси.

Были во дни митрополита Ионы и другие знатные лица кроме известных уже нам маршалка Ходкевича и королевского писаря Боговитиновича, делавшие вклады и пожертвования на православные церкви и монастыри. Князь Федор Иванович Ярославич пинский, соорудив в имени своем Ставке церковь святых Иоакима и Анны, наделил ее (1504) пахотными и бортными землями, сеножатями и рыбными ловлями, назначил священнику ее десятину ржи и всякого ярового хлеба из своего нового двора и по семидесяти грошей ежегодно. Князь Михаил Иванович Мстиславский, благотворивший и прежде Мстиславскому Пустыньскому монастырю, прибавил ему (1505) еще медовую и денежную дани из своих имений. Князь Димитрий Путятич, воевода киевский, не успел оставить духовного завещания, но душеприказчик его князь Михаил Глинский сам назначил и раздал по душе его с соизволения короля Александра пожертвования на церкви и монастыри. Грамота королевская (от 29 апреля 1506 г.), в которой излагается и утверждается это распоряжение Глинского, представляет собою весьма любопытный исторический документ. Из нее можно видеть, сколько было тогда в Западнорусской Церкви православных архиерейских кафедр, сколько церквей в Вильне и какие церкви и монастыри считались наиболее уважаемыми. Самые большие вклады из оставшихся имений покойного князя Путятича сделаны на монастырь Киево-Печерский, в котором погребены были родители его и он сам, и на виленский Пречистенский собор: первому назначены половина крестьян, данников покойного князя, по имени Зеремцов, живших за Березиною, и устав меда, который шел с них; последнему – другая половина тех же данников и такой же устав меда. Затем дано по десяти коп грошей на каждый из архиерейских синодиков для поминовения покойного князя, и именно на синодики: митрополичий, смоленский, полоцкий, володимерский, луцкий, туровский, перемышльский и холмский, всего – на восемь. Далее – десять коп грошей на виленский Троицкий монастырь и по две копы грошей на двенадцать виленских церквей, которых, следовательно, вместе с

Пречистенским собором и Троицким монастырем, было в Вильне четырнадцать. Еще далее назначено по десяти коп грошей: в Новогрудке на две церкви – Пречистой и святых мучеников Бориса и Глеба, в Минске на Вознесенский монастырь, в Гродне на церковь Пречистой и на монастырь Бориса и Глеба, в Смоленске на соборную церковь Пречистой и на общежительные монастыри – Троицкий и Спасский, в Витебске на соборную церковь святого Михаила, в Полоцке на Софийский собор, в Бресте на соборную церковь святого Николая, во Владимире на церковь Пречистой, в Луцке на церковь святого Иоанна Богослова и на Жидичинский Николаевский монастырь, в Холме на церковь Пречистой, в Перемышле на соборную церковь, в имениях покойного князя на Троицкий монастырь и еще на какой-то Пустынский монастырь пана Александра (вероятно, Ходкевича, т. е. Супрасльский). Наконец, на Спасскую церковь в Люблине назначено пять коп грошей и на семь церквей в имениях покойного князя Путятича по копе грошей.

II. Митрополит Иосиф II Солтан

Отпуская послов нового польского короля и великого князя литовского Сигизмунда, приходивших в Москву с вестью о его вступлении на престол, московский государь Василий Иванович (в марте 1507 г.) дал им наказ: «Молвите от нас брату и свату нашему Сигизмунду, чтобы и ныне сестра наша Елена, а его сноха ведала свой греческий закон во всем, а он бы ее жаловал, и берег, и держал в чести, как пригоже, и к римскому закону ее не нудил бы ничем». И надобно отдать справедливость Сигизмунду: он так и действовал по отношению к Елене. Еще прежде (генваря 5) он пожаловал ей в пожизненное владение свой замок Бельск с городами Суражем и Брянском, со всеми боярами, слугами и людьми Бельского повета, со всеми землями, лесами, сеножатями, со всеми ловами, рыбными, звериными и птичьими, со всеми данями, доходами и пожитками. А через три года (12 марта 1510 г.) отдал ей по ее просьбе виленский Свято-Троицкий монастырь в ее патронатство, чтобы она сама избирала архимандрита монастырю и подавала его кому захочет, а ни митрополит, ни даже король в то не вступались. Потому-то и Елена, насколько могла, старалась пособлять Сигизмунду в его сношениях с ее братом. Когда князь Михаил Глинский с своими братьями и приятелями взбунтовался против литовского государя и Василий Иванович, приняв их в подданство России, послал им (весною 1508 г.) на помощь войско для разорения Литовской земли, тогда вместе с послом от Сигизмунда в Москву присылала и Елена своего человека и просила Василия Ивановича, чтобы он был с королем «в любви, и в братстве, и в приязни», а о Глинском писала, что он, забыв милости ее мужа Александра, который сделал его из смерда паном, посягнул на здоровье своего государя и своими чарами свел его со света. Правда, Глинский и его приятели уверяли Василия Ивановича, что в Литве опять пришла на Русь великая нужда о греческом законе, что ее нудят там к закону римскому, и Василий Иванович поверил им, почему и стал за них, и поднял свое оружие в оборону православной Руси в Литве, как сам объяснял своей сестре Елене, намекая ей, не настала ли теперь и ей великая неволя. Но это, без сомнения, была клевета изменников польского короля, которою они рассчитывали сильнее подействовать на московского государя и скорее вызвать его на борьбу с Сигизмундом: не сохранилось никаких указаний, чтобы тогда возобновлялась в Литве попытка к обращению православных к латинской вере. Доходили в Москву известия (1509), что король «держит не в чести» свою невестку Елену, и в другой раз (1512), что ее сильно обидели паны воеводы, виленский и троцкий, не пустили ехать в Бреславль, ее имение, а насильно отвезли в Троки, потом в Бирштаны и отобрали у нее казну, города и волости. Но первое известие ничем не подтвердилось, а последнее оказалось преувеличенным или искаженным, как видно из слов короля московскому послу: «Нам хорошо известно, что паны казны и никаких имений у нашей невестки не отнимали, в Троки и Бирштаны ее не возили, нечести ей никакой не чинили, но только сказали ей с нашего ведома, чтобы ее милость в Бреславль не ехала, по небезопасности пограничных мест, а пребывала по другим своим городам и дворам. Мы нашу невестку королеву Елену, с тех пор как стали господаем в нашей отчине, держали в великой чести и к римскому закону никогда не нудили и не будем нудить, а городов и волостей, что подавал ей наш брат, не только у нее не отнимали, но придали ей к тому еще несколько городов, и волостей, и дворов наших. Для большего же удостоверения ехал бы ты к самой нашей невестке, королеве, и порасспросил ее о том». В распространении ложных слухов относительно Елены не без основания подозревают князя Михаила Глинского: он подал даже «запись» великому князю Василию Ивановичу, будто его сестру Елену зельем отравили. Елена скончалась 24 генваря 1513 г. в своем имении Бреславле и погребена с честью в виленском Пречистенском соборе самим митрополитом Иосифом II, который нарочно для этого вызван был в Вильну.

Не знаем, участвовала ли Елена своим ходатайством и в избрании Иосифа на митрополию, как прежде участвовала в избрании Ионы II, но должны сказать, что и настоящий выбор православного митрополита был весьма удачен. Иосиф происходил из знатной фамилии Солтанов, хотя и нельзя доказать непрерываемо, будто он был тот самый Иван Солтан, который еще при Казимире служил земским подскарбием великого княжества Литовского и в 1476 г. подписался под известным посланием митрополита Мисаила к папе Сиксту IV, как утверждают униатские и иезуитские писатели, выводя отсюда заключение, что митрополит Иосиф Солтан был униат. Мать его Василисса происходила из рода Тышкевичей, сестра Анна находилась в супружестве за князем Александром Чарторыйским, а другая, Марина, – за Василием Горностаем; старший брат назывался Михаилом Солтановичем. Сам Иосиф, как мы уже упоминали, показал верную службу королю Александру еще в 1502 г., при осаде Смоленска русскими, когда был только нареченным епископом, за что и получил от короля три имения. Потом пожертвованием этих имений на Супрасльскую обитель сделался известным Вселенскому патриарху (1505) и новому королю Сигизмунду, который утвердил (1507) за обителю его дар, а самому Иосифу, владыке Смоленскому, во внимание к прежним убыткам, какие потерпела его кафедра от русских, пожаловал (18 июля 1507 г.) сельцо Капустинское. На митрополию он избран, по всей вероятности, к концу того же 1507 г., потому что в январе следующего был уже митрополитом, хотя, разумеется, только нареченным, как называл его даже в феврале 1509 г. и сам король в своей окружной грамоте. Но в сентябре 1509 г. подписывался уже под своими грамотами так: «Волею Божиею Иосиф архиепископ, митрополит Киевский и Галицкий и всея Руси». Следовательно, поставление его на митрополию совершилось между февралем и сентябрем 1509 г. Это поставление он получил, как сам свидетельствует, благословением святейшего Вселенского патриарха Константинаграда, нового Рима, кир Пахомия и его великого Собора. Пока был нареченным митрополитом, Иосиф удерживал за собою и Смоленскую епархию и иногда проживал в Смоленске, но, сделавшись действительным митрополитом, скоро поставил для Смоленской епархии особого епископа – Варсонофия.

Едва прошло несколько месяцев со времени утверждения Иосифа на митрополитской кафедре, как он созвал Собор в Вильне «о церковных вещех и о исправлении дел духовных», который и состоялся в самый праздник Рождества Христова, 25 декабря 1509 г. Причины, вызвавшие созвание Собора, объяснил сам митрополит в начале «соборного деяния» воспользовавшись при этом словами митрополита Кирилла II, сказанными на Владимирском Соборе 1274 г. «С того дня, – говорит Иосиф, – как изволением Божиим я, недостойный, занял престол митрополии Киевской и всея Руси и принял обязанность пасти Церковь Божию, отсекал всякое преступление закона нашей православной веры и утверждать, по древнему обычаю, церковные уставы, я видел много нестроения и бесчиния в духовенстве и много о том слышал... Все это мы должны исправлять и очищать по правилам святым, о всем должны скорбеть и болеть. Ибо какой прибыток получили мы чрез умножение наших грехов? Не рассеял ли нас Бог по лицу всей земли? Не разведены ли сыны и дочери наши во многие страны поморские, плененные от поганых? Не взяты ли были грады наши; не пали ли сильные князья наши от острия меча; не запустели ли св. Божии церкви; не томимся ли всякий день от безбожных поганых агарян? Все это бывает нам за то, что мы ходим не по правилам св. апостолов и не по заповедям св. отцов наших. Посему мы, Иосиф, милостию Божиею архиепископ, митрополит Киевский и всея Руси, и составили Собор с преподобными епископами, пречестными архимандритами и игуменами и богобоязненными священниками...» Епископов присутствовало на Соборе семь (а с митрополитом восемь), именно: Владимирский и Берестейский Вассиан, Смоленский Варсонофий, Луцкий и Острожский Кирилл, Полоцкий и Витебский Евфимий, Туровский и Пинский Арсений, Перемышльский Антоний и Холмский Филарет. Архимандритов (хотя в числе их упо-

мянут один и игумен) также семь: Киево-Печерской великой лавры Иона, Благовещенской патриаршей обители (так называли Супрасльский монастырь) игумен Пафнутий, троицкий виленский Изосима, лаврашевский Арсений, троицкий слуцкий Иосиф, вознесенский минский Сергей, Михайловский городецкий из Полоцка Антоний. Игуменов – шесть: троицкий (неизвестно откуда) Симон, свято-духовский из Смоленска Афанасий, иоанновский островский из Полоцка Евфимий, петровский из Полоцка Алексей, николаевский из Гольшан Иона и николаевский из Лоска Геронтий. Протопопов – семь: виленский Матфей, новгородский Иаков, городенский Антипа, слуцкий Феодор, марковский Лукиан, слонимский Косьма и волковыйский Феодор. Кроме того, на Соборе находились и священники. Деяние Виленского Собора представляет нам верную картину тогдашних недостатков и злоупотреблений, существовавших в Западнорусской митрополии, так как одни из них ясно выражены Собором, а другие указаны самими определениями Собора. Всех определений, или правил, Собор постановил 15, которые, впрочем, могут быть разделены на три класса.

Первые четыре правила касаются поставления на священные степени. «Некоторые в нашем законе, – говорит Собор, – презирая отеческое предание и заповеди, ради мирской славы и властительства покупают себе еще при жизни епископов их кафедры и принимают эти кафедры без совета и согласия митрополии и епископов и без избрания от князей и панов нашего греческого закона». Так же приобретались и настоятельские места в монастырях, и священнические на приходах. А дьяки или причетники без воли своего епархиального владыки отправлялись в другие епархии и получали священство от чужих архиереев. Против этих нестроений Собор постановил: 1) «никому не подкупаться под живыми епископами, архимандритами и священниками». Если же кто дерзнет на такое дело, архимандрит ли, или игумен, или священник, или мирянин, то да будет на них церковное неблагословение и отлучение, пока не покаются, и на епископство, и на всякий священнический сан их отнюдь не поставлять. А если кто из епископов дерзнет такого бесчинника совершить во священство, тот сам да будет лишен своего сана. 2) Архиепископу и епископам отнюдь не поставлять на священство дьяков из чужих епархий без повеленной грамоты от их епископа и без отпустных листов, которые должны быть писаны особо, по древнему обычаю. 3) Во епископы и во всякий степень священства ставить только достойных, после обыска и по свидетельству и поручительству их духовного отца, а недостойных отнюдь не ставить, если и господарь (т. е. великий князь литовский) присылать будет: в таком случае «всем нам с митрополитом пойти к господарю и объявить недостойность того недостойного». 4) Если же какой-либо епископ или священник, утаив свою виновную совесть от своего духовного отца, восприимет святительство или священство, но потом будет обличен, такого отлучить от Божественной службы.

Другой класс правил составляют те, которые касаются поведения духовных лиц и отчасти мирян. Некоторые епископы, не желая повиноваться великой церкви (т. е. митрополичьей) и иметь к ней послушание, не приходили на Соборы для совещаний об утверждении православной веры и не имели попечения о своей духовной пастве, а принимали на себя мирские дела и теми делами оправдывали себя; иногда же без вины отнимали от игуменов и священников их церкви. Монахи исходили из своих монастырей без воли и отпустной грамоты настоятелей, и иеромонахи священствовали вне монастырей без благословения святительского. Вдовы священники мирские имели наложниц и продолжали священствовать, к величайшему соблазну мирян. Священники, подпадавшие под запрещение от своего архиерея, отходили в другие епархии и там получали благословение и священствовали. Равно и миряне, подвергшиеся за какие-либо духовные вины отлучению от своих епископов, уходили в иные епископии и там принимались в общение. А некоторые миряне, имея у себя «Божественные правила», не хотели слушаться своих пастырей и думали сами себе быть законом. Против этих нестроений Собор определил: 1) всем епископам без всякого преко-

словия, кроме великой какой-либо нужды, собираться на Соборы, а которые епископы ради мирских дел будут уклоняться от священных Соборов, презирать свою духовную паству и не иметь о ней попечения, таковые да будут безответны (правило 14). 2) От игуменов и священников не отнимать церковей без вины и без преступлений, указанных в их ставленной грамоте. Если же священник начнет свою церковь держать в небрежении, бесчинно, или церковные службы совершать не по уставу, или упиваться, у такого бесчинника отнять церковь и отлучить его на время. А если он не перестанет творить бесчиния, тогда епископу «соборне, с своим крылосом, с священноиноками и с попами» (вот имя и состав духовного управления и суда при тогдашних епархиальных архиереях!) запретить такому бесчиннику священнослужение (правило 7). 3) Монахам из своих монастырей без воли игуменской отнюдь не исходить и без отпустной грамоты от настоятеля нигде их не принимать, а священноиноки да не священствуют нигде без благословения святительского (правило 12). 4) Попам и диаконам, не имеющим своих жен, запрещается священствовать во всем пределе митрополии Киевской, и *Галицкой*, и всея Руси, как «и ныне Вселенская великая Константинопольская Церковь держит», последуя правилам соборным и отеческим и законам царским. А если бы митрополит или кто-либо из епископов захотел нарушить это соборное определение и дозволил вдовым священникам священствовать, таковой сам да будет лишен своего сана, епископ – митрополитом, а митрополит – Собором всех епископов его области. Если же какие-либо миряне явятся непокорными этому правилу, они соборне да будут отлучены всеми епископами и, если не покаются, преданы проклятию (правило 6). Священников и мирян, подвергшихся неблагословию и отлучению от своего епископа, отнюдь не разрешать и не допускать до церковного общения в других епархиях без воли их епископа. Священника без отпустной грамоты от епископа в другой епархии не принимать (правило 5). Божественных правил (Кормчей) мирянам у себя не держать, а кто станет держать, да будет в церковном отлучении, пока не оставит их (правило 13).

Последний класс правил касается отношения светских людей к Церкви и направлен против их злоупотреблений. Некоторые православные князья и паны, пользуясь в своих имениях правом подавания, т. е. избрания и назначения священников к приходским церквам, сами потом и отнимали эти церкви у священников без ведома епархиального архиерея. Другие по небрежности долго оставляли в своих имениях приходские церкви без священников. Иные приказывали священникам священнодействовать в их церквах без благословения архиерейского. Еще некоторые отнимали у церковей имения и другие церковные вещи. Имея все это в виду, святители, присутствовавшие на Соборе, определили: 1) когда в имениях православных князей и панов, пользующихся правом подаванья, мы рукоположим к какой-либо церкви священника или благословим в ней петь прежде рукоположенного и подтвердим то нашею грамотою, то князья и паны не должны у этого священника отнимать церкви без нашего ведома святительского. Если священник в чем провинится, они должны объявить его вину нам своим писанием, и мы соборне ее рассмотрим, и если священник будет достоин отлучения, мы удалим его от церкви и отдадим ее другому нашим благословением. Если же князь или боярин самовольно отнимет у священника церковь без его вины и без ведома святительского, нам к той церкви священника не давать, пока не оказана будет справедливость прежнему (правило 8). 2) Если князь или боярин в своих имениях будет держать церковь в небрежении, без священника, три месяца, нам от себя послать к той церкви попа для хвалы Божией и блага христиан, живых и умерших (правило 9). Если по приказанию князя или пана какой-либо священник начнет священствовать в церкви без нашего благословения, то да будет он, по правилам, лишен своего сана (правило 11). Если князь или боярин отымет церковное имение или что-либо другое церковное, нам такого обослать нашим листом и благословением, чтобы церковное отдал церкви, а если имеет дело до церковного имения, то отыскивал бы его правом пред митрополитом. Если же нашего листа и благословения не

послушает, на такого послать отлучение церковное. Если какие-либо сыны нашего смирения, в какой бы то ни было епархии, начнут противиться этому нашему законоположению, да будут от всех нас соборне отлучены (правило 10).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.